

Татьяна
Корсакова

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Татьяна Корсакова
Волчья кровь
Серия «Любовный амулет»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=432802

Татьяна Корсакова «Волчья кровь», серия «Любовный амулет»: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45161-6

Аннотация

Их венчали волчьим кольцом. Да только бедой обернулось это венчание: разве гоже благородному господарю иметь жену – кочевую цыганку. Вот и залила стены замка алая кровь, вот и обрушилось на него проклятье, а в окрестностях появилась призрачная волчица со своей безжалостной стаей. Прошли века, и в замке готовится новая свадьба, но будет ли она счастливей прежней?...

Татьяна Корсакова

Волчья кровь

* * *

Полная луна, похожая на затянутый бельмом глаз, хитро щурясь, крадется по ночному небу полуслепым свидетелем.

Конь под Вацлавом всхрапывает, взвизгивает на дыбы, испуганно гарицует на узкой горной дороге. Впереди брешут собаки, радостно, нетерпеливо. Значит, загнали добычу, ждут хозяина.

– Вперед! – Плеть со свистом опускается на взмыленный бок жеребца, стремяна упираются в крутые бока. – Вперед, я сказал!

От бешеной скачки звон в ушах, и ветер цепляется за волосы, силится догнать вороного. Пустое! Другого такого скакуна во всех Карнатах не сыскать, за него столько золота уплачено, что до сих пор от мысли этой дух занимает. Самый лучший конь, самый неприступный замок, самая красивая женищина. Была, пока не надоела...

А гончие заходятся лаем все ближе, скоро, видать, конец охоте. Эй, прибавь-ка, вороной!

Женищина жметя к скале, мечется серой тенью посреди

собачьей своры. Красивая, даже сейчас, в порванном платье, простоволосая, со сбитыми в кровь босыми ногами, красивая... Заметила его, бросилась под копыта вороному, вцепилась в стремя.

— Вацлав, отпусти! — Голос хриплый, сорванный от крика, а глаза — синими звездами. Вот за эти глаза он ее когда-то и полюбил, не смог пройти мимо. Да только не любовь то была! Колдовство и морок! Он — граф Закревский, единовластный господарь здешних мест, а она кто? Безродная цыганка, волчья кровь...

— Уходи! — Плеть взмывает в воздух, и вороной привычно вздрагивает. Цыганка тоже вздрагивает, закрывает лицо руками, захлебываясь криком от боли. — Уходи! Беги! Коли убежишь — живи!

Куда бежать? Позади скала, впереди он и гончие. А коли и прорвется, так его люди не выпустят, потому как у них наказ, послушаться которого никто не посмеет.

— Тогда сразу убей, не мучай! — В синих ведьмовских глазах мольба, слезы, точно самоцветы, так и хочется коснуться рукой мокрой нежной щеки. Наваждение, опять наваждение...

— Умри!

Свора повинуется приказу, срывается с места. Женский крик тонет в алчном зверином вое. Пусть она умрет, пусть освободит его душу из черного плена...

Вороной хрипит и мотает башкой, норовя сбросить. Пле-

тью по крутому боку не глядя, не задумываясь, привычно отмеряя удар. Вот так, присмирел. А когда-то тоже был норовистый.

Цыганка больше не кричит. В темноте ни зги не видать. А слепая луна все ниже, тоже всматривается, запоминает. Пусть глядит, больше никто не увидит. И не узнает. Кто мог рассказать, того уже среди живых нет. Или не станет скоро. Даже тех, кто в этой ночной охоте чужую кровь проливал. Богдан свое дело знает: тому – стрела в спину, этому – ножом по горлу, а кому, уже в замке, яду в молодое вино. И с Богданом потом нужно будет что-то решать. Это сейчас он, сводный брат, наипервейший его товарищ, а случись что – продаст, не пожалеет...

Собаки отползают от добычи с неохотой, припадают на передние лапы, скалят зубы, но повинуются. Потому что боятся. Его все боятся, на то он и Вацлав Лютый. А цыганка еще жива: хрипит порванным горлом, скребет ногтями сырую землю, смотрит глазами своими синими, силится что-то сказать. Интересно – что? Отец-покойник говорил, что предсмертные слова самые верные, непритворные. Оттого, видать, и не пустовали темницы в замке, а у палача не переводилась работа. Очень хотелось отцу знать последние, самые верные слова.

У цыганки лицо в крови, а поди ж ты, все равно взгляд не отвести от красоты ее сатанинской.

– Ну, что ты мне скажешь? – Встать на колени, чтобы

лучшие слышать, поймать последний вздох, коснуться разбитых губ.

Сказала... такое, что мороз по коже. И не верит он в эти сказки цыганские, а тревожно вдруг стало, холодом потянуло, точно из склепа.

– Зря ты так. Ох, зря! Могла бы легкой смертью умереть, а теперь уж что? Теперь не обессудь...

Рукоять меча привычно ложится в ладонь. Нет, не станет он ее убивать, не дожидется она от него такой милости. Он сейчас свое заберет, то, что в угаре любовном цыганке подарил...

Крик захлебывается, едва родившись, переходит в нечеловеческий какой-то клетот. Вот и все. Теперь можно уходить, только родовой перстень от черной крови оттереть да спрятать понадежнее, за пазухой.

Вороной испуганно всхрипывает, косит блестящим глазом, силится взвиться на дыбы. И псы попритихли, хвосты поджали. Что это? Знамо дело, что – ночь началась, волчья пора. Теперь до самого рассвета в горах иные хозяева. Вон уже и вой слышен совсем близко. Прощальный взгляд на ту, которая до сих пор кровь берedit, и – ветром в седло. Волки свое дело знают...

Луна катится по черному небу, задевает деревья щербатым боком. Луна все видела, да никому не скажет. А ему пора, столько дел впереди, к свадьбе нужно готовиться...

Погода выдалась мерзостной, от мелкого, точно пыль, дождя зонт совершенно не спасал. Только мешал, черт возьми!

Владислав Дмитриевич Закревский в раздражении посмотрел на своего телохранителя, который, пытаясь подстроиться под неспешный шаг хозяина, семенил рядом, придерживая над головой босса зонт.

— Гера, да убери ты это!

— Как скажете. — Зонт исчез, явив взгляду затянутое тучами небо. На лице телохранителя не дрогнул ни один мускул — привык, видать, парень за годы службы к хозяйским причудам.

Да не так их и много было! Эта первая за бог весть какой срок. Подумаешь, захотелось боссу прогуляться под дождем по свалке. Он ведь не один, а в сопровождении самых надежных своих ребят из службы безопасности. И Гера тебе не банальный носильщик зонтов, а спец, каких еще поискать.

На ботинки, утром начищенные до зеркального блеска, налипли комья грязи. Владислав Дмитриевич брезгливо поморщился, поднял ворот плаща, осмотрелся.

— Ну, где они? — спросил идущего по правую руку секретаря Вениамина.

— Скоро уже, босс. — Секретарь, с виду совершенно неприемный, какой-то куций и, несмотря на дорогой костюм,

непрезентабельный, но в особенно деликатных делах незаменимый, смахнул со лба редкую челку. – Вон за тот холмик зайдем, и будут.

«Холмик» представлял собой здоровенную смердящую кучу мусора. Владислав Дмитриевич тяжело вздохнул и, наплевав на рекомендации врачей, закурил. Дышать легче не стало, но на душе посветлело. А может, плюнуть на все эти запреты?! Что ж теперь, не жить, а мучиться?!

Задумавшись, Владислав Дмитриевич не заметил, как наступил на что-то скользкое, не поддающееся классификации. И ведь упал бы, если б не Гера. С привычной невозмутимостью телохранитель подхватил его под локоть и буркнул:

– Под ноги лучше смотрите, хозяин.

Подобную фамильярность Закревский позволял не многим, только самым близким, в том числе Гере, потому что тот уже не единожды доказал собачью свою преданность и желание служить верой и правдой.

– Куда тут смотреть? – беззлобно проворчал Владислав Дмитриевич. – Кругом же дерьмо! И чем дальше, тем гуще!

– Так они ж не селятся на окраине, – поспешил оправдаться Вениамин. – У них здесь свое собственное царство – помоечное. Сюда чужаки и не суются никогда, потому что опасно.

– Не рассказывай мне про это, – отмахнулся Закревский. – Ты свою работу сделал, с Косым связался, а дальше я уж как-нибудь сам разберусь.

Сказать по правде, разбираться с предводителем здешних бомжей Владиславу Дмитриевичу совсем не хотелось. Не то чтобы он боялся, что не удастся договориться. С его деньгами, да еще при мощной поддержке в лице восьмерых дозубов вооруженных молодцов глупо бояться какого-то мусорного короля. Скорее брезговал, не хотел мараться. А придется. В том деле, которое он задумал, грязи будет немало. Хорошо, если только грязи, если обойдется без крови. Сердце предупреждающе заныло, отвыкло, видать, от никотина. Владислав Дмитриевич нашарил в кармане пузырек с лекарством, сунул под язык таблетку.

– Все в порядке? – шепотом спросил Вениамин.

– Нормально.

– Так, может, без сигареты лучше?

– Лучше без идиотских советов.

– Простите, босс. – Секретарь замедлил шаг, отставая.

«Холмик» обходили минут двадцать. За это время Владислав Дмитриевич успел выкурить вторую сигарету, проглотить очередную таблетку, а еще вымокнуть с головы до ног. Теперь главное не простудиться и не слечь с воспалением легких. Что-то здоровье в последние месяцы ни к черту – старость, мать ее...

– Пришли, – раздался за спиной голос Вениамина. – Вон ту хибару видите? Это у них что-то вроде королевской резиденции. Сейчас сыро, а когда солнце, перед ней кресло-качалка стоит, там Косой загорает.

– Что-то не похоже, чтобы нас здесь ждали. – Гера достал из кобуры пистолет, остальные ребяташки последовали его примеру. – Как бы чего не вышло. Мы тут как на ладони, а они в засаде.

– Не будет ничего плохого, – уверенно сказал Вениамин. – Я все оговорил и урегулировал. Просто дождь, вот и попрятались.

Точно в ответ на его слова, кособокая дверь, закрывающая вход в «королевскую резиденцию», с пронзительным скрипом распахнулась. Первым из хибары выскочил невысокий юркий мужичок в драной телогрейке и перевернутой козырьком назад бейсболке. В одной руке мужичок держал недогрызенный батон колбасы, во второй угрожающе поблескивал ствол. Вот тебе и помоечное царство! Тут вон каждая шавка с пистолетом.

– Ну что, Дымарь, притопали? – слышался из недр «резиденции» высокий, на границе между мужским и женским, голос, и вслед за мужичком на свет божий выбрался долговязый, одетый в черный кожаный плащ и фетровую шляпу парень. Поверх плаща на киношный гангстерский манер был накинута белая кашемировая шарф.

– Вот он, Косой! – шепнул Вениамин и решительно шагнул вперед.

Значит, Косой... Уж больно молодой для такой статусной должности. Сколько ему? Лет тридцать от силы, а уже гляди ж ты – мусорный король. Если верить сведениям Вениамина

– а сомневаться в них нет никакого резона, – денег у Косого хватит на то, чтобы с максимальным комфортом обосноваться в Западной Европе, например, а он просиживает штаны в этом вонючем болоте, похоже, считая, что лучше быть первым среди шакалов, чем последним среди львов. Ну что ж, каждому свое.

– Добрый день, Евгений Иванович! – Вениамин времени не терял, приблизился к Косому на почтительное расстояние и, опасливо косясь на пушку в руках коротышки, церемонно поклонился. – А вот и мой босс пришел, как было условлено.

– Условлено! – Косой, которого Вениамин назвал Евгением Ивановичем, недовольно поморщился. – Ты бы, старик, с собой еще отряд ОМОНа притащил.

Вообще-то каждый из ребятушек Геры стоил десятерых омовцев, но сообщать об этом своему визави Владислав Дмитриевич не стал, растянул губы в вежливой улыбке, чуть кивнул головой.

– А чего тебе бояться, Косой? – спросил он с едва различимым, но многозначительным вызовом. – Ты же на своей территории. У тебя небось стрелков за каждой мусорной кучей понатыкано.

– Стрелков! – Косой, который при ближайшем рассмотрении и в самом деле немного косил, зашелся смехом. – Это ты, батя, загнул. У меня из стрелков вон один Дымарь. – Он хлопал коротышку по плечу, и тот, недобро осклабившись, взмахнул пушкой.

В ответ на этот жест ребяташки Геры мгновенно ошетились стволами. Ну, точно Голливуд...

— Э! Спокойно! — Косой вскинул вверх руки, но по хитрым глазам было видно, что он не боится, значит, и правда подстраховался. — Ты ж ко мне в гости пожаловал, с чистой душой и открытым сердцем, как говорится. А гостей мы не обижаем, особенно таких уважаемых. Дымарь, ну-ка спрячь пушку, не нервируй дорогих гостей!

Похоже, приказ босса коротышку не порадовал, но пережить он не стал и послушно сунул ствол в карман телогрейки.

— Не стоило вам, хозяин, сюда приходить, — проворчал Гера. — Вениамин Олегович как-нибудь бы сам...

— Тихо! — цыкнул на него Закревский. — Еще тебя не спросил, куда ходить, а куда нет. — И тут же совсем другим, почти отеческим тоном произнес: — Вижу, что ты гостеприимный человек, Косой. Да только некогда мне церемонии разводить. Ты подготовил то, о чем я тебя просил?

— Я-то подготовил, аж пять штук на выбор. — Косой смахнул с шарфа капельки дождя. — А ты, старик, о своем обещании не забыл?

— Не забыл. — Владислав Дмитриевич сделал знак Вениамину, тот протянул Косому бумажный пакет.

Вместо Косого пакет взял коротышка, вспорол перочинным ножиком, споро пересчитал деньги.

— Все правильно, босс, — сказал он, протягивая пакет Косому. — Как и договаривались.

– Ну раз так, – Косой спрятал деньги в карман плаща, – то, пожалуй, нечего нам тут под дождем мокнуть. Пойдем, старик, посмотришь товар.

«Товар» – слово-то какое мерзкое, точно он, Владислав Дмитриевич Закревский, не честный, всеми уважаемый бизнесмен, а наркобарон или сутенер. Ничего, придется потерпеть, на первых порах единственное, что ему нужно, – это конфиденциальность, а Косой за те бабки, что ему отвалили, рот не откроет. Ведь он только с виду гангстер голливудский, а на самом деле обыкновенный жадный сучонок, который за копейку лишнюю удавится. Владислав Дмитриевич покачал головой, многозначительно глянул на Геру, давая понять, что теперь ухо нужно держать востро. Товар смотреть они будут явно не перед «королевской резиденцией», придется, видно, углубиться в эти смрадные трущобы, опуститься теперь уже на самое дно.

Так оно и вышло. Косой взмахнул рукой, и из-за ближайшей к «резиденции» кучи мусора выскочили три вполне заурядных бомжа. Именно так выглядят клошары, оккупировавшие все столичные вокзалы. Единственным отличием от городских собратьев был воинственный вид. Первый бомж сжимал в руке кусок арматуры. Второй, здоровенный детинушка, ростом не уступающий двухметровому Гере, точно невесомым прутиком поигрывал лопатой. А третий держал руки в карманах, но уж больно многозначительно, никак ствол прятал. Отребье, но организованное, вооруженное

и оттого особенно опасное.

– Не бойсь! – Косой обнажил в улыбке крепкие белые зубы. – Это свита моя. Я ж мусорный король, мне без свиты никак.

Странное дело, но в словах Косого не было ни капли иронии, похоже, он действительно гордился своим сомнительным статусом.

– Стар я уже бояться. – Владислав Дмитриевич равнодушно пожал плечами. – Давай-ка покончим с дворцовыми церемониями да перейдем к делу. Времени у меня не очень много! – Он выразительно посмотрел на наручные часы.

– Ну, так оно ж понятно, такой уважаемый человек, занятой. – Косой продолжал ухмыляться, но взгляд его был сторожкий. Не привык лис помоечный к деловым переговорам, везде подстава мерещится. – Прошу за мной! – Он развернулся на каблуках и, приглашающе махнув рукой, скрылся в тоннеле из мусора.

Владислав Дмитриевич, поморщившись, достал из кармана пачку сигарет.

– Надо было противогазы с собой захватить, – проворчал Гера.

– Молчи уж, умник! – Закревский закурил и не без внутреннего содрогания шагнул вслед за гостеприимным хозяином.

Слава богу, тоннель оказался коротким, да и состоял преимущественно из технического хлама, поэтому внутри воня-

ло не особо. И на том спасибо, потому что мысленно Владимир Дмитриевич готовился к худшему.

По ту сторону располагалась очищенная от мусора утоптанная площадка, метров семь в диаметре, где стояли, сидели, лежали обитатели мусорного королевства. Появление Косого они встретили одобрительным гулом и улюлюканьем. Любят, что ли, своего короля?

Косой неспешной походкой пересек площадку, уселся в с виду совершенно новое кожаное кресло, закинул ногу за ногу. Дымарь пристроился сзади, за треном, и снова достал пушку. Колбаса к тому времени уже исчезла, видно, сожрал по дороге.

– Други мои! – Косой театральным жестом воздел к небу руки. – Други мои, поздоровайтесь с нашими гостями!

Ропот сделался из одобрительного недоуменным, бомжи зашевелились, придвинулись поближе, чтобы рассмотреть гостей получше.

– Черт, многовато их, – проворчал Гера, поглаживая торчащую из кобуры рукоять пистолета.

– Спокойнее, – предупредил Вениамин. – Не показывайте, что боитесь.

– Кто боится? – Телохранитель посмотрел на секретаря со смесью удивления и презрения. – По мне, так одним тараканом больше, одним меньше.

– Хватит, – вполголоса велел Закревский. – Сейчас заберем товар и уйдем.

– За товаром я мог бы и сам сюда наведаться. – Вениамин, страхнув прилипшую к ботинку конфетную обертку, недовольно поморщился: – Зачем вам, босс, такие приключения?

А вот это неправильный вопрос, некорректный. Сплоховал Вениамин, никогда раньше лишнего не спрашивал, а тут нате вам. Будь дело не таким деликатным, Владислав Дмитриевич, не задумываясь, переложил бы эту грязную работенку на хлипкие плечи секретаря, но увы... Товар он просто обязан увидеть сам, еще до того, как произойдет сделка.

– Да вы не стойте, гости дорогие! – Косой куражился, играл роль хлебосольного хозяина. – Присаживайтесь!

Рядом с ним точно из воздуха материализовались два офисных кресла для Закревского и Вениамина.

– Что-то не хочется, – проворчал секретарь, но, заглянув в решительное и одновременно мрачное лицо босса, неуверенно шагнул к одному из кресел. Владислав Дмитриевич уселся слева от Косого, сказал с плохо сдерживаемым раздражением: – Где товар?

– Будет тебе товар! – Косой расплылся в благодушной ухмылке. – Может, накатим за знакомство?

«Хеннеси» с виду был самый что ни на есть настоящий, но рисковать Закревский не стал.

– Врачи запретили, – проговорил он коротко.

– Да, они такие, им бы только запрещать. – Косой сочувственно покивал, отпил прямо из горла и удовлетворенно крикнул: – Я вот, слава богу, без врачей пока обхожусь. Мо-

жет, оттого, что на природе живу?

На природе! Прямо не полигон бытовых отходов, а SPA-курорт.

– Косой, у меня ведь и правда времени в обрез. – Владислав Дмитриевич загасил недокуренную сигарету и чуть не охнул: сердце сегодня расшалилось, мстило за никотин ноющей болью. Но на глазах у оппонента за лекарством не полезешь, придется терпеть.

– Все понял, батя! – Косой хлопнул в ладоши, и один из той троицы, что прежде сидела в засаде, вытолкал на середину площадки пятерых женщин.

Впрочем, назвать эти грязные, вонючие, опустившиеся существа женщинами не поворачивался язык, в голове крутились лишь нецензурные эпитеты. Закревский в сопровождении Геры подошел к одной из бомжих. Тетке на вид было лет сорок: заплывший глаз, щербатый рот, грязное до омерзения тряпье. Не то! Вторая, третья и четвертая мало чем отличались от первой. Ну, разве что степенью деградации: пустые глаза, спитые лица, бесформенные фигуры. Пятая для его целей подходила лучше всего. Относительно молодая, лет тридцати, здоровая, по крайней мере внешне, но все с той же пустотой в выцветших старушечьих глазах.

– Это все? – Владислав Дмитриевич обернулся к Косому.

– А что, не нравится? – Тот тоже выбрался из кресла. – Ну, Манька с Ленкой уже, конечно, не кондиция, а вот Наташка с Анжелкой еще хоть куда. Забирай, старик, лучшего товару

во всем королевстве не сыскать.

Да, точно. Да и что он хотел? Отыскать на помойке душистый цветок? Так ведь для его целей нужна именно такая, опустившаяся, деклассированная. Вот только бы помоложе... Владислав Дмитриевич уже было решил забрать пятую, когда внимание его привлекло молодое веснушчатое лицо. Сначала Закревский решил, что перед ним пацаненок, но только сначала. Не нужно особой фантазии, чтобы понять, что вот это одетое в драные джинсы, трикотажную тинейджеровскую шапку и куртку не по размеру существо на самом деле баба. Причем молодая – идеальный материал.

– Я беру ее! – Закревский кивнул в сторону девчонки.

Под его тяжелым взглядом она сжалась, попытавшись спрятаться за спину рослого, тоже еще совсем не старого бомжа.

– Яську хочешь? – Косой озадаченно нахмурился. – Да на кой хрен тебе эта мелюзга?! Она ж зеленая еще, ни кожи, ни рожи. И в особых бабских делах не умеет ни хрена, можешь мне поверить. Анжелку бери, не прогадаешь. Ее отмыть да приодеть...

– Я возьму эту, – перебил его Владислав Дмитриевич.

– Так она в моем личном пользовании. – Видно было, что мусорный король темнит, что отдавать девчонку ему не хочется. – Яська хоть и неумелая, но перспективная.

Торгуетса, сучонок!

– Удваиваю сумму. – Некогда торговаться. И без того день

псу под хвост.

Девчонка тем временем начала пятиться. Еще сбежит, чего доброго.

– Утраиваю! – сказал Закревский с нажимом. – Не всякая машина столько стоит, сколько я тебе за бабу предлагаю.

В глазах Косого зажегся алчный огонь, в девчонкиных заплескался страх. Бомж, за спину которого она пряталась, недобро нахмурился, сжал кулаки.

– От сердца отрываю, – не выдержал искушения Косой. – Забирай!

В этот самый момент девчонка дала стрекача, а на бросившегося за ней следом Дымаря напал ее дружок. Дымарь, пропустивший удар, коротко хрюкнул и осел на землю, не помог ствол. Больше подойти к здоровяку никто не решался.

– Пусть мои люди разберутся, – Владислав Дмитриевич бросил вопросительный взгляд на Косого.

– Только это... чтобы без жертв, – велел тот и вернулся к своему трону.

Объяснять ребятушкам, как нужно действовать, не пришлось. Гера едва заметно кивнул двоим из своей команды, и те сорвались с места, раззадоренными псами закружились вокруг здоровяка. Еще двое бросились вслед за девчонкой. Гера и остальные четверо не спускали глаз с Закревского.

Здоровяк сопротивлялся отчаянно, со звериным воем крутился на месте, пытаясь не выпускать из виду Гериных ребятушек. Дурак, не знает, с кем связался. Исход битвы ре-

шился в считанные секунды, и дело было отнюдь не в количественном перевесе. Не за красивые глаза Закревский платил своей охране такие бешеные деньги.

Здоровяк заорал благим матом, принялся корчиться в грязи, стараясь вырваться, когда приволокли девчонку. Она тоже оказалась вся в грязище, видно, упала, когда удирала. Даже лицо, до этого вполне чистое, сейчас было не разглядеть. И рукав куртки ребятушки бомжихе оторвали, пока ловили. Верткая, похоже, девчушка. Еще секунду назад смирная и смирившаяся с судьбой, завидев своего дружка, она завизжала, врезала одному из ребятушек коленом в пах, попыталась вырваться. Ишь, еще и боевая!

– Уроды! – прижатый к земле здоровяк уже не орал, а хрипел. – Косой, ты же обещал! – Он попробовал было поднять голову, чтобы посмотреть на мусорного короля, но не смог, не дали ребятушки. – Отпусти ее!

– Может, и обещал. – Косой закинул ногу на ногу, расправил на груди шарф. – Да только сам должен понимать, тут же такие бабки. Да и не сделают они с твоей подружкой ничего плохого. Ведь не сделаете, а, батя? – он подмигнул Закревскому.

Владислав Дмитриевич не ответил, коротко кивнул Гере и сказал уставшим голосом:

– Все, уходим.

– А денежки?! – всполошился Косой. – Денежки обещанные где?!

– Вениамин, рассчитайся!

Сил его больше нет находиться в этой клоаке, да и сердце разболелось не на шутку. А еще нужно как-то до машины добраться. Хорошо, хоть дождь кончился.

Дождаться секретаря Закревский не стал, кивнув на прощание мусорному королю, вслед за одним из охранников шагнул в туннель. За спиной послышался визг и недовольный ропот. Визжала девчонка, а роптали жители мусорного королевства. Надо же какие чувствительные...

Вениамин вместе с двумя охранниками догнал их на середине пути, пристроился по правую руку от Закревского, произнес, отдышавшись:

– Ох и рисковали вы, Владислав Дмитриевич! Это ведь упырь, а не человек, он же за деньги маму родную жизни лишит. А вы ему дали понять, что у нас с собой наличка.

– У нас с собой не только наличка, но еще и Герины хлопцы. – Закревский потер грудь: сердце все никак не хотело успокаиваться, даже после лекарства. – Да и тебя мы без прикрытия не бросили.

– Оно-то так, – Вениамин достал из кармана пиджака носовой платок, промокнул влажное не то от дождя, не то от пота лицо, – да только все равно неразумно. Мы ведь на чужой территории.

– А что ж ты полчасика назад говорил, что мне не надо было дергаться, что сам со всем справишься? – хмыкнул Владислав Дмитриевич.

– Я тогда не думал, что так все обернется.

– А должен был! Я тебе за то и плачу, чтобы ты наперед все возможные ходы просчитывал!

Ответить секретарь не успел, за их спинами послышался женский визг, а следом раздосадованный рев одного из телохранителей.

– Укусила, зараза! – пожаловался он обернувшись на шум Закревскому. – Босс, может, нам ее пристукнуть слегка, чтобы не рыпалась?

Сказать по правде, ему уже и самому надоел этот цирк, но бить девчонку никак нельзя. В том деле, которое он задумал, нужно действовать хитростью и лаской.

– Только попробуй! – сказал он с угрозой и подошел к бомжихе.

Вывалянная в грязи, выглядела она уже не так презентабельно, но зубы скалила белые и здоровые – хоть сейчас в рекламу зубной пасты. Это хорошо, не придется тратить на стоматологов. Да и с возрастом он не ошибся: еще совсем молодая, лет двадцать пять, не больше. А если отмыть, так, может, окажется, что и того меньше.

– Шапку сними, – велел он, и – удивительное дело – девчонка послушалась, шмыгнула носом, стянула с головы шапку.

Волосы у нее оказались каштановые, в рыжину. Точный цвет определить можно будет после того, как ее отмоют, но и сейчас видно, что не лысая и не плешивая. Разве что бло-

хастая.

– Куда вы меня? – А голос звонкий, сердитый. Слышно, что боится, но виду не подает.

– Мы тебя отсюда, дорогуша. – Он перевел взгляд на ее перепачканные грязью руки: кожа в цыпках, ногти короткие, с траурной каймой. – И, поверь моему слову, там, куда я тебя отвезу, тебе будет значительно лучше, чем в этом клоповнике.

– Вы кто? – А глаза у нее, похоже, желтые. Или это просто так кажется на фоне грязи?

– Я твой благодетель. – Закревский усмехнулся: – С сегодняшнего дня. Можешь звать меня Владислав Дмитриевич.

Кажется, слова его подействовали на бомжиху успокаивающе, во всяком случае, дергаться и вырываться она перестала.

– Вы извращенец, да? – спросила с вызовом. – Бомжелюб? Закревский сначала онемел от неожиданности, а потом расхохотался.

– Я не извращенец, – ответил он, отсмеявшись. – На твои сомнительные прелести не позарюсь, можешь не волноваться на этот счет. Тебя как зовут?

– Яся. – В желтых глазах мелькнуло и тут же исчезло какое-то чувство.

– Яся – это сокращенно от какого имени?

– От Ярославы.

Ярослава. Красивое и благородное имя. Совсем не подхо-

дит этой замарашке.

– Хорошо, я буду звать тебя Ярославой.

– Вы меня куда сейчас?

Ишь, любопытная!

– К себе домой. Устраивает тебя такой ответ?

По глазам было видно, что не устраивает, но вдаваться в подробные объяснения Владислав Дмитриевич не счел нужным, развернулся, пошагал вперед. Девчонка больше воплями не докучала, шла смирно. И на том спасибо. Может, не до конца мозги пропила. Или что они там на помойке делают – «Момент» нюхают? С такой, наверное, можно будет попробовать договориться по-хорошему. Глядишь, и согласится. Она ж с виду не дура законченная, сообразит небось, что для нее выгодно, а что нет. Впрочем, не о том ему сейчас нужно волноваться. Девчонка – это так, мелочи. Самое сложное у него впереди.

* * *

То, как смотрел на нее этот дядька, Ясе не понравилось. Она шкурой почувствовала – быть беде. Ведь не просто так он на свалке объявился и выбирает не лишь бы кого, а женщин. Извращенец, что ли?

Точно в ответ на ее мысли, незнакомец недобро сощурился, ткнул в ее сторону пальцем и заявил:

– Я беру ее!

Точно, извращенец! Петя тут же напрягся и попытался незаметно задвинуть ее за спину, чтобы не маячила. Раньше надо было прятаться, а теперь уж что?! Теперь, похоже, нужно делать ноги.

– Яську хочешь? – Кажется, Косой такого поворота событий не ожидал. – Да на кой хрен тебе эта мелюзга?! Она ж зеленая еще, ни кожи, ни рожи. И в особых бабских делах не умеет ни хрена, можешь мне поверить. – Вот ведь скотина! Можно подумать, он знает, какая она в особых бабских делах! – Анжелку бери, не прогадаешь. Ее отмыть да приодеть. – Это точно! Анжелка сопротивляться не станет. У Анжелки тормоза уже давно перегорели, ей все равно с кем и все равно что...

– Я возьму эту. – Старик не сводил с нее внимательного взгляда.

– Допрыгалась, блин, – сквозь стиснутые зубы прошипел Петя. – Беги, что стала?

Перед тем как дать деру, Яся еще успела услышать, как старик и Косой сговариваются о цене.

Еще никогда в жизни Яся так быстро не бегала, но, как ни старалась, все равно попалась. Люди старика не особо церемонились, даже рукав у куртки оторвали, козлы! А куртка ведь хорошая, добротная. Где же она теперь другую такую найдет? Неожиданно обида за испорченную вещь придала Ясе решимости: она кричала, вырывалась и лягалась, но силы были неравными. Если двое на одну, тут брыкайся

не брыкайся, а финал очевиден.

Когда Ясю приволокли обратно, оказалось, что Пете еще хуже, чем ей. Оно и понятно, старик с собой вон какую свору прихватил. Наслышан, видно, о том, как Косой привык дела вести. А Косой – сволочь! Обещал же, что ее не тронут...

– Отпусти ее! – Петя попытался поднять голову, но один из охранников неуловимо быстрым движением врезал ему по лицу. У Яси заныли зубы, словно это ее только что ударили, на глаза навернулись злые слезы. За что они так с Петей?! Петя тут вообще ни при чем! Она уже хотела было сказать этим сволочам, чтобы не били его, оставили в покое, но ей не дали.

– Все, уходим! – Старик сделал знак своим псам, в ту же секунду Ясю дернули за ворот куртки и куда-то потащили. Она еще успела, извернувшись, бросить прощальный взгляд на Петю. Он неподвижно лежал в грязи, жалкий и беспомощный. Гады! Кругом гады...

В том особом состоянии обреченности, в которое Ясю повергло увиденное, она перестала себя контролировать, забилась в истерику. Наверное, не будь рядом старика, с ней бы поступили так же, как с Петей, а то и хуже. Но старика слушались беспрекословно, и Яся с каким-то мрачным удовлетворением продолжала бесноваться. Конец истерике положил все тот же старик.

Он глядел на нее с заинтересованной брезгливостью. Наверное, так рассматривают какую-нибудь диковинную, но не

особо симпатичную зверушку. Под взглядом его холодных ярко-синих глаз Яся чувствовала себя голой. Где-то она уже видела это лицо: породистое, холеное и, несмотря на явные следы возраста, очень выразительное. Аристократ хренов...

– Шапкуними, – скомандовал он. Не налюбовался, гад!

Нет смысла сопротивляться, если сама не снимет, так эти его псы снимут. И хорошо, если только шапку. Лучше прогнуться, сделать вид, что смирилась, а потом, улучив подходящий момент, свалить к чертовой бабушке. Не на цепь же они ее посадят!

– Куда вы меня?

– Мы тебя отсюда, дорогуша!

Вишь, снизошел до общения со швалью подзаборной. Зубы сцепил, кривится, но разговаривает. И ведь до чего лицо знакомое!

– Вы кто?

– Я твой благодетель. С сегодняшнего дня. Можешь звать меня Владислав Дмитриевич.

Он даже улыбнулся. Видно, подумал, что Ясю его волчий оскал успокоит. На самом же деле успокоило ее совсем другое: она догадалась вдруг, кто перед ней. Это ж надо! Такой серьезный человек и бродит по помойкам, ручкается с Косым. Да она бы с Косым на одном поле... в общем, ничего бы она с ним на одном поле делать не стала.

– Вы извращенец, да?

Ну не просто ж так она ему понадобилась?! Может, у

него такие фантазии. Может, ему захотелось с бомжихой по-пробовать! Надо сказать, что у нее сифилис или – лучше – СПИД. Вдруг испугается, старый козел! Яся уже открыла было рот, но тут благодетель расхохотался. Одного этого презрительно-недоуменного смеха хватило, чтобы понять: насилие ей не грозит. По крайней мере, от него.

– Как тебя зовут?

– Яся. – Эх, надо было соврать, а она с перепугу правду сказала. Ну да ладно, что уж теперь! В другом совет, если понадобится.

– Яся – это сокращенно от какого имени?

– От Ярославы. – Вот только отродясь никто к ней так не обращался.

– Хорошо, я буду звать тебя Ярославой.

– Вы меня сейчас куда? – Ведь на самый главный вопрос он так и не ответил.

– К себе домой. Устраивает тебя такой ответ?

По правде сказать, не устраивал ни хрена, но обнадеживал. В домах есть телефоны. Если ей удастся добраться до одного из них, возможно, получится позвонить Пете, дать ему знать, что с ней все в порядке. В относительном, конечно, потому что, как ни посмотри, а похищение – это не есть хорошо. Интересно, если старик не извращенец, то зачем она ему? Ладно, была бы добропорядочной гражданкой, а то ведь бомжиха, шваль подзаборная. И не красавица, чего уж там. Особенно сейчас, когда с ног до головы в грязище.

Дождаться от Яси ответа старик не стал, развернулся, пошагал вперед. Охранник, который в присутствии босса вел себя смирно, больно дернул Ясю за волосы и скомандовал:

– Ну, что встала, коза помоечная?! Шевели копытами!

Эх, этому б уроду да копытом в зубы...

На выходе с полигона их ждали три машины: навороченный «Мерседес» и два джипа. «Мерседес», значит, для старика, а джипы для охраны.

– Куда ее, босс? – Охранник встряхнул Ясю за шиворот с такой силой, что у той клацнули зубы.

– Ну не ко мне же! – Старик, устало махнув рукой, достал из внутреннего кармана плаща пузырек с таблетками, вынул одну, сунул в рот. Болеет, хрен старый? – К себе берите. И чтобы никаких мне там, – он многозначительно приподнял седые брови. – Отвечаете головой.

– Босс, да вы что?! – В голосе ее обидчика послышалось возмущение. – Да на кой она нам такая сдалась?!

– Сиденья попортит, зараза, – посетовал второй, разглядывая замызганные Ясины джинсы.

– А ты ее к себе на колени возьми, – посоветовал здоровенный детинушка, который за время их недолгого путешествия по свалке ни на шаг не отходил от старика. Лицо детинушки при этом не выражало никаких чувств, и было неясно, шутит он или говорит серьезно. Лучше бы шутил...

Охранники в ответ предпочли промолчать, с деловитой сосредоточенностью принявшись грузиться в джипы. Ясю

тоже погрузили: грубо, не особо церемонясь и не заботясь о ее комфорте, затолкнули на заднее сиденье, сами уселись по бокам, сжали так, что ни вздохнуть, ни выдохнуть.

– Чтобы без выкрутасов нам тут! – буркнул Ясин обидчик, по виду еще совсем молодой пацан. – Поняла, бомжа?

– Сам козел! – огрызнулась Яся и отвернулась.

– Ты еще по выступи! –

– А то что? – спросила она с вызовом.

– Увидишь. – Охранник перевел многозначительный взгляд с Яси на свой кулак.

– Боссу пожалуюсь.

– Не пожалуешься! – Он с паскудной ухмылкой ткнул Ясю локтем под ребра, вроде бы и не очень сильно, но больно стало так, что на глаза навернулись слезы. – Мы, коза, бить умеем, даже синяков не будет. Так что сиди и не рыпайся!

Чтобы не разреветься, пришлось до крови закусить губу. Ну, твари! Ладно, она им еще покажет!

Ехали долго. Всю дорогу Яся внимательно смотрела в окно, запоминала дорогу. Должна же она знать, куда ее везут. По всему выходило, что направляются они в один из элитных поселков. Указатель с названием населенного пункта она, как ни старалась, а проморгала, но и без того было видно, что место непростое, с охраной на въезде и здоровенными, больше похожими на дворцы, домищами. Скоро, видать, на месте будут. Пришло время действовать!

Яся скосила взгляд сначала на одного охранника, потом

на другого. Расслабились, гады, утратили бдительность. Вот и хорошо! Быстрым, заранее просчитанным движением она дернула себя за ворот футболки. Затрещала рвущаяся ткань.

– Эй, коза, ты что творишь?! – Один из охранников схватил девушку за запястье, попытавшись вывернуть ей руку, но Яся изловчилась – расцарапала-таки его поганую рожу.

Охранник взвыл и коротко, без замаха, врезал Ясе по лицу. Очень больно, гораздо больнее, чем она ожидала. Из разбитого носа на куртку и порванную футболку хлынула кровь. Теперь уже можно было не стесняться и завывать в голос, от души. Получилось громко и эффектно. А джип тем временем притормаживал...

Из машины Ясю вытаскивали волоком, сопротивлялась она отчаянно и орала благим матом на всю округу. Чувствовалось, что охранникам ситуация ох как не нравится, но в присутствии хозяина поделаться с Ясей они ничего не могли, лишь тупо толклись возле джипа.

– Что это?! – Спектакль был прерван грозным окриком. Выбравшийся из «Мерседеса» старик решительным шагом подошел к захлебывающейся слезами и кровью Ясе, развернул ее лицом к себе. – Я вас спрашиваю, что это?! – В голосе его звенела ярость. Дай бог, чтобы ярился он не на нее, а на своих псов.

– Они... – Яся, всхлипнув, ткнула пальцем в сторону своих мучителей. – Они сказали, что вы все равно ничего не узнаете, а у них с бомжихами никогда раньше не было... –

Тут главное не переиграть, остороженько, без лишнего надрыва, порванную футболку поправить, как бы невзначай, очи потупить. Ох, кровящи-то сколько, и нос, наверное, распухнет.

– Вы, уроды! Я что вам велел?! – Из-под полуопущенных ресниц Яся видела, как багровеет холеное лицо старика. – Гера, – он развернулся к сопровождавшему его амбалу, – разберись!

– Босс, да это ж она сама! – попытался оправдаться один из охранников.

– Лицо сама себе разбила и одежду порвала? – Голос старика сделался тихим и оттого еще более грозным.

– Она ж на всю голову отмороженная, босс! Она мне первая рожу расцарапала!

– Гера, ты слышал, что я сказал?! – рывкнул старик и снова посмотрел на притихшую Ясю: – Правда, сама?

– Я?! – Она опять жалобно всхлипнула, из разбитого носа на белую плитку подъездной дорожки упали алые капли крови. – Их же двое было, а я одна. Я защищалась!

Кровь приходилось вытирать рукавом куртки. А рукав грязный, вот сейчас подцепит какую-нибудь заразу, и будет ей счастье...

– Утрись, – старик протянул Ясе белоснежный носовой платок. – И не реви, с этими уродами Гера разберется.

Вот и хорошо, что Гера с уродами разберется, у него внешность такая серьезная, располагающая к разборкам. А уро-

дам в следующий раз nepовaднo бyдeт слaбых oбижaть.

От платкa вкyснo пaxлo мyжским oдeкoлoнoм, стaлo кaк-тo дaжe жaлкo пopтить тaкyю кpасoтy, нo лyчшe yж eю пoжepтвoвaть, чeм пoдхвaтить зapaжeниe кpoви. Oпять жe, стapик нe пoжaлeл для Яcи стoль изyщнoй вeщицы – этo дoбpый знaк. Мoжeт, eщe и oбoйдeтcя...

Яcя всхлипывaлa, рaзмaзывaя пo лицy слeзы и гpязь, a нoвoявлeнный блaгoдeтeль вce cмoтpeл нa нee и o чeм-тo cocpeдoтoчeннo дyмaл. Выpжeниe лицa eгo дeвyшкe нe пoнpaвилoсь, былo в нeм чтo-тo тaкoe... нeдoбpoe. A мoжeт, пpocтo пoкaзaлocь?

– Вeниaмин! – Стapик нaкoнeц пepeстaл cвepлить ee взглaдoм и кивнyл cтoящeмy рядoм нeвзpачнoмy, плyгaвoмy c видy типy: – Дaвaй-кa yстрoй Яpocлaвy в дaльнeм флигeлe.

– Бyдeт cдeлaнo, бocс! – Тeпeрь yжe Вeниaмин бyрaвил Яcю глaзaми. Тoлькo eгo взглaд был cocpeдoтoчeннo-внимaтeльный, тoчнo видeл oн пepeд coбoй нe чeлoвeкa, a пpoблeмy, кoтopyю нyжнo peшить мaксимaльнo эффeктивнo. Пycть лyчшe тaк, xоть нe кpивитcя. – Я ee в шaxмaтнyю кoмнaтy пoceлю. Нy, тy caмyю... Дa, Влaдислaв Дмитpиeвич?

Чтo eщe зa шaxмaтнaя кoмнaтa тaкaя?

– И oхpaнy нe зaбyдь oргaнизoвaть, a тo видишь, кaкaя oнa y нac peзвaя. – Стapик, пoмopщившись, пoтep гpyдь.

– Дoктopa вызвaть? – тyт жe нaстopoжилcя Вeниaмин.

– Вывoзи. – Чyствoвaлocь, чтo дoктopов блaгoдeтeль нe лyбит, нo пpипeклo eгo yжe тaк, чтo дaльшe нeкyдa. Oнo и

понятно, не мальчик. Сколько ему? Навскидку хорошо за семьдесят. Хоть и бодрится, ходит гоголем, но от возраста никуда не деться.

Вениамин кивнул, достал из кармана мобильный, набрал номер, что-то коротко буркнул, опять посмотрел на Ясю.

– Следуйте за мной, Ярослава, – сказал церемонно. При чем получилось у него совсем не обидно, безо всякой издевки, так, что Яся впервые за этот безумный день почувствовала себя человеком, а не шушерой помойной. – Надеюсь, кровотечение уже прекратилось? – Он поглядел на безнадежно испорченный платок в Ясиных руках.

– Переживаешь, что пол заляпаю? – усмехнулась она.

– Нет, беспокоюсь о вашем здоровье. Медосмотр запланирован на завтрашний день, но если есть проблемы, можно устроить визит врача уже сегодня.

Медосмотр?! А это еще зачем? Спросить бы, да ведь не ответят.

– Со мной все в порядке. – Яся сунула платок в карман куртки, поправила расползающуюся на груди футболку.

– В таком случае прошу! – Он направился в противоположную сторону от роскошного трехэтажного особняка. Шаг у Вениамина был быстрый и неожиданно решительный для такой тщедушной комплекции. Этот, пожалуй, не простой охранник, этот покруче будет.

Яся бросила быстрый взгляд на старика. Тот что-то тихо говорил амбалу Гере. Гера слушал с каменным выражением

лица, даже не кивал в ответ. Рядом с Ясей нарисовались два мужика из числа охраны и бездушными статуями застыли по бокам.

– Вы со мной? – спросила она, уже заранее зная ответ.

– Топай давай, любопытная, – буркнул один из охранников, но не зло. – Олегович ждать не привык.

– А Олегович – это кто? – ободренная более-менее человеческим отношением, отважилась поинтересоваться Яся.

– Вот он! – охранник кивнул вслед бодро шагающему по дорожке Вениамину. – Он секретарь босса, так что не советую тебе, девонька...

Что именно он ей не советует, охранник уточнять не стал и легонько подтолкнул Ясю в спину.

Кроссовки промокли и противно хлюпали, а еще натерли мозоли. Яся плелась за секретарем Вениамином и морщилась при каждом шаге. Охранники, о чем-то тихо переговариваясь, шли следом. Хорошо, хоть волоком не тащили, как те, с которыми будет разбираться великан Гера.

* * *

Вениамин поджидал их на крыльце компактного одноэтажного домика, с многозначительной нетерпеливостью поглядывая на часы. Часы, как успела заметить Яся, у него были красивые, блестящие, может, даже серебряные. И запонки на выглядывающих из-под рукавов пиджака манжетах

тоже обалденные, точно под часы подобранные. Пижон, однако! Хоть и неказистый, а за модой следит.

– Прощу! – Вениамин распахнул дверь, пропуская Ясю в небольшой холл. – Значит, Ярослава, план действий у нас с вами будет следующий. – Он посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом, продолжил: – Первым делом вы принимаете ванну, переодеваетесь в чистую одежду, потом обедаете и обживаете свои апартаменты. Думаю, будет разумно осмотреть дом после вышеозначенных гигиенических процедур, вы уж меня простите.

Ишь, вежливый какой выискался! Ведет себя с ней не как с пленницей, а как с гостьей. А на окошках-то решетки! Пусть изящные, кованые, но ведь решетки. И зачем, спрашивается, они в домике для гостей? Или этот домик не для простых гостей, а для таких, как она, необычных?

– Вы меня понимаете, Ярослава? – Тусклые голубые глаза глядели на нее с внимательной доброжелательностью, и Ясе вдруг расхотелось хамить.

– Понимаю! – буркнула она. – Где ванная?

– Прямо по коридору и направо. Там уже все приготовлено. Шампунь, зубная щетка, паста и прочие гигиенические принадлежности, которые могут вам понадобиться, в шкафчике, халат и полотенце на вешалке. И вот еще что, – он запнулся. – Настоятельно рекомендую воспользоваться инсектицидом.

– Чем? – переспросила Яся.

– Средством для борьбы с насекомыми, – уточнил Вениамин. – Не поймите меня неправильно, но там, откуда мы вас привезли, наверняка не особо заботятся о гигиене.

– Там вообще о ней не заботятся, – усмехнулась она. – Или ты заметил на свалке душевые кабинки?

– Не заметил, – секретарь покачал головой.

– Потому что их там нет. Мы выше этого! – съязвила она и гордо вздернула подбородок.

– Я понял. – Если Вениамин и уловил сарказм в ее голосе, то виду не подал. – Именно по этой причине не пренебрегайте возможностью вымыться по-человечески. Можете не торопиться, полежите в ванне, расслабьтесь.

– С вами расслабишься. – Яся покосилась на скользящих у двери охранников и спросила: – Эти тоже со мной пойдут?

– Охрана, с вашего позволения, подождет снаружи. – Вениамин снова посмотрел на часы. – Но прошу вас, Ярослава, проявите благоразумие, не пытайтесь предпринимать никаких, хм... необдуманных поступков. В этом доме вам ничего не угрожает.

– Ага, в машине мне тоже ничего не угрожало. – Яся многозначительно потрогала распухший нос.

– Это была досадная случайность. Уверяю вас, подобное больше не повторится. Охрана получила очень четкие инструкции на ваш счет. А теперь позвольте откланяться, мне нужно идти. – Секретарь направился к двери, но у самого порога остановился: – Чуть не забыл: если вам вдруг что-

то понадобится, скажете ребятам, они со мной свяжутся. Не стесняйтесь, Ярослава, чувствуйте себя как дома.

Несмотря на нейтральный тон, последняя фраза прозвучала как издевка. Чувствуйте себя как дома! Это во флигеле с решетками на окнах и в компании двух дебилов!

– Можно подумать, у меня есть другой выход! – Яся пожал плечами и, не дожидаясь, когда Вениамин выйдет из домика, направилась в сторону ванной.

Ванная была неожиданно просторной, но какой-то до безобразия неуютной. Кажется, Яся поняла, что имел в виду Вениамин, когда говорил, что планирует поселить ее в шахматной комнате. Черно-белая плитка выстилала и пол, и стены в шахматном порядке, искажая представление о пространстве, черно-белыми пятнами вгрызаясь в мозг. Даже висящие на вешалке полотенца были в клетку. По большому счету, это черно-белое безобразие Ясю беспокоило не очень сильно. Гораздо большее волнение вызвало отсутствие на двери защелки. Это что же получается – кто угодно может зайти к ней в любой момент?! Хорошее гостеприимство, ничего не скажешь.

Точно прочтя ее мысли, один из охранников, тот, что постарше и подороже, пояснил:

– По инструкции входить в ванную комнату нам можно лишь в исключительных случаях.

– А какой случай у вас считается исключительным? – поинтересовалась она.

– Если здоровью и безопасности клиента будет угрожать реальная опасность или если он сам нас позовет.

– Клиент не позовет, – заверила их Яся. – Давайте-ка валите из апартаментов. Клиент желает мыться.

– Что-то ты больно приткая, девонька! – усмехнулся все тот же охранник.

– Смотри, допрыгаешься, – поддержал его напарник и недобро осклабился.

– Пока допрыгались ваши кореша, – огрызнулась Яся и тут же повысила голос: – Валите, я сказала!

Странно, но спорить с ней никто не решился – охранники послушно вышли из ванной, аккуратно прикрыли за собой дверь. Оставшись одна, Яся присела на край полукруглой, слава богу, не клетчатой ванны и глубоко задумалась.

Да, попала она в историю! С одной стороны, очевидного зла Ясе никто не желает. Отморозки-охранники не в счет. Но, с другой стороны, полноправной гостьей она себя тоже назвать не может. Решетки на окнах и конвой за дверью лучшее тому подтверждение. И самое главное – зачем? Зачем Яся понадобилась старику? Кстати, не она конкретно. Ведь с самого начала было ясно, что пришел он за другой, а ее выпил совершенно случайно. Чем-то Яся ему приглянулась. Господи, да чем же может пригнуться бомжиха, баба во всех смыслах пропащая и беспутная?! Ну, допустим, сама она о себе куда более высокого мнения, и понятие о чувстве собственного достоинства у нее имеется, но ведь старик-то

этого не знает! Не написано же у Яси на лбу, что у нее все в порядке с самооценкой! Может, возраст ее благодетеля привлек? Старик же еще там, на свалке, говорил, что хотел бы видеть кого-нибудь помоложе Анжелки. А зачем ему помоложе, если в качестве сексуального объекта он ее не рассматривает?

Яся, покосившись на дверь, принялась медленно раздеваться. Куртка и порванные джинсы грязными лохмотьями упали на шахматный пол, следом полетело белье. Все, что необходимо для принятия ванны, как и обещал Вениамин, нашлось в навесном шкафчике. Яся выставила на бортик ванны батарею тюбиков, баночек и скляночек, поизучала бутылку с антиблошиным шампунем, включила воду и не без удовольствия шагнула под горячие струи. Сначала нужно смыть грязь под душем, потому что без этой предварительной меры вода в ванне в мгновение ока превратится в бурю жижу. Это ж надо, какая она замурзанная!

Антиблошиным шампунем Яся все-таки решила воспользоваться. Благо пах он как самый обычный шампунь и никаких дурных ассоциаций не вызывал. Следом пришел черед остальных благ цивилизации. В шахматной ванной отыскалась даже новая зубная щетка, роскошь, о которой Яся уже почти забыла. Да что там щетка! Тот, кто запер пленницу в этом чертовом флигеле, позаботился, похоже, обо всем. На стульчике рядом с ванной аккуратной стопкой лежало белье. Не сказать, что роскошное, даже скорее простенькое, хлоп-

чатобумажное, зато чистое, еще с магазинными этикетками. Интересно, как там с размерами? Откуда благодетелю было заранее знать ее габариты? Или для человека его уровня не проблема прикупить бельишко всех размеров сразу, чтобы уж наверняка?

Белье пришлось впору, и Яся помимо воли порадовалась, что не придется надевать старое. Хоть своя рубашка и ближе к телу, но это если она чистая, не порванная и не заляпанная кровью. Однако с остальной одеждой случился маленький облом – не было ее, остальной одежды. Это что же, Ясе теперь опять лохмотья надевать? Или на люди в банном халате выйти?! Вот в этом уродливом, шахматном?... А с другой стороны, где здесь люди? К охранникам можно и в халате. И вообще, не о том она думает. Ей нужно обмозговать, как отсюда смыться и как с Петей связаться. Он небось там с ума сходит, может, даже Косому морду набил. Или Косой Пете, точнее, не сам Косой, а его прихвостни. Черт, как же все вышло неудачно! Теперь Петя ее ни за что не простит, до конца жизни будет гнобить, обзывать идиоткой. Или не будет? Сколько у нее осталось этой жизни?!

Нет, о плохом сейчас думать никак нельзя. Если б Ясе желали зла, то не стали бы устраивать ее с максимальным комфортом, отмывать антиблошинным шампунем, рядить в чистые одежды и планировать медосмотр. Кстати, медосмотр настораживал Ясю больше всего. Спрашивается, за каким хреном он нужен? Ладно, не прибили на месте, и на том спа-

сибо. А выгоду можно извлечь из любой ситуации. Когда б Яся еще попала в ближний круг самого Закревского?! Да она бы и в дальний круг никогда не попала, так что надо просто держать уши остро и нос по ветру. Глядишь, и это ее приключение что-нибудь да принесет полезное. Если, конечно, она переживет приключение...

Яся полюбовалась на свой распухший нос, провела расческой по влажным волосам, влезла в халат и вышла из ванной. Охранники стояли прямо на входе. Одного из них, того, что помоложе, Яся чуть не зашибла дверью.

– А подглядывать некрасиво, – произнесла она с укором.

– Кто за тобой подглядывал, вобла сушеная! – взвился охранник. Морда его при этом покрылась нездоровым румянцем, из чего Яся сделала вывод, что не ошиблась – подглядывал-таки, извращенец.

– А чего кричишь? – Она удивленно приподняла брови. – Ты бы сказал, я б тебя впустила. А то ж неудобно, раком-то.

– Саныч, я ее сейчас урою!.. – простонал охранник.

– Ага, урой! – усмехнулся Саныч. – А потом Гера уроет тебя. Ты разве не слышал, что босс велел?

– Да все я слышал! – Охранник бросил на Ясю свирепый взгляд. – Одного не пойму, за что этой падле столько чести?

– А падлой меня называть вам босс разрешал? – тут же уточнила Яся.

– Нет, ну до чего ж девка бедовая! – Саныч посмотрел в ее сторону, покачал головой, а потом обернулся к напарнику:

– Ты, Леха, с ней поаккуратнее. Не видишь, что ли? Она же тебя специально провоцирует, как Макса с Витьком.

– Я не провоцирую...

– А ну цыц! – не дал ей договорить Саныч. – Ты, девонька, тоже не зарывайся. Сама ведь не знаешь, куда попала.

– А куда? – вкрадчиво поинтересовалась Яся.

– Никуда! – Саныч рубанул ребром ладони по воздуху. – Твое дело – инструкции босса выполнять да лишних вопросов не задавать.

– Так вроде бы не было никаких инструкций. – Яся плотнее запахнула халат.

– Тогда просто помалкивай. Целее будешь!

Вот так-то! Не разговорить ей этих церберов ни за что. Им, похоже, тоже велено помалкивать. Или, скорее всего, они и сами толком ничего не знают. Псы цепные, что с них взять?

– Комнату показывайте. – Не станет она пока форсировать события, в сложившейся ситуации самое разумное – просто осмотреться.

– Комнату – это можно! – просветлел лицом Саныч и посторонился, пропуская Ясю вперед: – Топай прямо по коридору, не промахнешься.

Комната Ясю убила наповал. Ненавистная черно-белая клетка была повсюду: на обоях, на покрывале, на мебели, на ковре и даже на потолке.

– Это что за хрень? – прошептала она, не рискуя пересту-

пить порог.

– Твои апартаменты, – злорадно усмехнулся охранник Ле-
ха. – Что, не понравились?

– А тебе бы такое понравилось? У меня уже в глазах рябит
от этой гадости. Какая ж сволочь так расстаралась?

– Это не сволочь, а дизайнер. – Саныч подтолкнул ее сза-
ди, вынуждая-таки войти в комнату. – Очень известный и
очень дорогой.

– Да что ты ей про дизайнеров рассказываешь? – помор-
щился Леха. – Она ж на своей помойке небось и слов таких
никогда не слышала.

– Я на своей помойке, чтоб ты знал, «Вог» и «Космопо-
литен» почитываю! – возмутилась Яся. – Я такое знаю, что
тебе, чурбану дубовому, и не снилось.

– А откуда на помойке «Вог»? – удивился Леха. Вот ведь
простодушный, не понимает.

– Оттуда же, откуда и все остальное. Я же учетчицей была,
за макулатуру отвечала.

– Какую, блин, макулатуру! – Охранник провел ладонью
по коротко стриженной макушке.

– Слушай, – Яся посмотрела на него с жалостью, – ты что,
думаешь, мы на полигоне в бирюльки играем?

– На каком полигоне?

– На космическом! – Она в раздражении подняла глаза к
клетчатому потолку.

– На полигоне бытовых отходов, Леха, вот на каком, – от-

ветил вместо нее Саныч. – Там же своя мафия! Вторсырье, макулатура, стеклотара...

– Цветные металлы! – Ясе надоело изучать потолок. – Главное – цветные металлы. Но это Косой доверяет самым надежным, а мне вот бумажки...

– И как? – спросил Саныч.

– Да нормально! Всегда есть что почитать. От Большой советской энциклопедии до «Плейбоя».

– Ну, «Плейбой» покруче будет, – расплылся в идиотской улыбке Леха.

– Кто бы сомневался! – Яся дернула плечом, прошла по комнате и с опаской опустилась в черно-белое кресло.

– Так ты оттого такая разумная? От Большой советской энциклопедии? – Саныч прошел следом, встав спиной к окошку. А решетки на окне, между прочим, такие густые, что между прутьями даже руку не просунуть. Плохо дело.

– Я такая разумная от телика! – Яся отвела взгляд от окна, уставилась на огромную двуспальную кровать. – Я новости каждый день смотрю и передачи всякие.

– А откуда у вас на помойке телик? – Леха озадаченно наморщил низкий лоб.

– От верблюда! У Косого, если хочешь знать, в хибаре плазма висит.

– Да ну! Плазма на помойке?!

– А ты много про помойку знаешь, одноклеточный? У нас на полигоне все как у людей.

– Ага, все как у людей! – В запале охранник даже не обиделся на «одноклеточного». – Только смердит так, что дышать нечем.

– Ну, считай это издержкой производства. Ты бы с нами денек-другой пожил и привык бы.

– Боже упаси к такому привыкать.

– Каждому свое. – Яся забросила ногу на ногу, перевела взгляд с Лехи на Саныча и поинтересовалась: – А как насчет покушать? Помнится, что-то такое ваш малахольный Венечка обещал. Жрать хочу! – Она расплылась в наглой усмешке.

– Эх, дура девка! – охранник покачал головой. – Не те ты, похоже, книги читала. Это что еще за «жрать»?!

– А ты разве моя мама? Тебя приказано меня охранять, а не этикету обучать. Вот и охраняй! Только пожрать принеси. Пожалуйста! – добавила она после небольшой паузы.

Зря она злит этих двоих. Ведь по сравнению с предыдущими Леха и Саныч ангелы во плоти. Не быют, не оскорбляют. С этими бы подружиться, а она ругается...

– Ладно, будет тебе пожрать! – Саныч махнул рукой, кивнул напарнику: – Леха, позвони, скажи, объект кушать желает.

Леха зло зыркнул на Ясю, буркнул что-то в мобильный, минуту-другую слушал то, что говорит ему невидимый собеседник, а потом заявил:

– Пожрать отменяется. Босс желает тебя видеть. Прямо сейчас. Ну, чего расселась?! Пойдем!

– Куда? – только и смогла спросить Яся.

– К боссу, куда же еще?

* * *

После укола, сделанного врачом, сердцу полегчало. Нельзя сказать, что боль исчезла окончательно, но затаилась, напоминая о себе лишь глухим уханьем пульса в висках. Эх, по-хорошему, ему бы махнуть в Швейцарию в частную клинику, поправить здоровье, может, даже прооперироваться, но не получается, никак не получается. Даст бог, через годик...

Владислав Дмитриевич поудобнее устроился в глубоком кресле, в нетерпении посмотрел на закрытую дверь. Ну, когда же доставят его протезе? Любопытно посмотреть на нее после санобработки.

Точно в ответ на его мысли, дверь распахнулась, пропуская в комнату охранников и девчонку. Девчонка куталась в клетчатый черно-белый халат, опасливо оглядывалась по сторонам. Закревский поморщился: шахматная клетка вызвала дурные воспоминания. Надо было бы поселить протезе в другом месте, но, увы, решетки на окнах только в гостевом домике, а рисковать никак нельзя. Во всяком случае, до тех пор, пока он не убедится, что в этом щекотливом деле достигнут консенсус.

– Свободны! – взмахом руки Закревский отпустил охран-

ников.

– Босс, это может быть опасно, – попытался возразить один из них.

– Я сказал – свободны! А ты, Ярослава, присаживайся, – Владислав Дмитриевич кивнул на кресло напротив.

Повинуясь его приказу, охрана вышла, а девчонка как-то неуклюже, бочком, протиснулась к креслу и замерла в нерешительности.

– Садись, в ногах правды нет. – Владислав Дмитриевич смотрел на нее снизу вверх, изучая. Похоже, с выбором он не ошибся. Отмытая от грязи бомжиха выглядела вполне презентабельно. Общую картину несколько портил распухший нос, но это поправимо. Как говорится, до свадьбы заживет. Хорошо б еще у нее не было проблем со здоровьем. Или они оказались бы не особо серьезными. Не хотелось бы уже на финишной прямой выяснить, что у девчонки СПИД или гепатит. Ладно, время покажет, сейчас нужно сделать все, что зависит непосредственно от него, а остальное в руках Господа.

– Вы мне расскажете, зачем я вам понадобилась? – Ярослава плюхнулась в кресло, забросила ногу на ногу. А ноги у нее длинные, только чересчур худые. И сама худая, отошавшая какая-то.

– Есть хочешь? – спросил Закревский, задумчиво разглядывая голые Ярославины коленки.

– Хочу, – закивала она.

– Сейчас организуем.

Всего через пару минут перед его протеежой оказался сервировочный столик, заставленный едой.

– Кушай! – Закревский сделал приглашающий жест.

– А вы? – Девчонка, проигнорировав столовые приборы, заграбастала с блюда креветку и впиалась в нее зубами. Ужас!..

– А я уже поел. Но ты не стесняйся, ни в чем себе не отказывай. Как тебе твое новое жилище?

– Отвратительно. – Она облизала пальцы и только после этого вытерла их о салфетку. – В этой вашей шахматной комнате у меня голова кружится. Не представляю, как нормальный человек может в ней жить!

Нормальный не может. Закревский снова едва заметно поморщился, но тут же прогнал прочь дурные мысли.

– Это ненадолго, – сказал он с улыбкой. – Если мы с тобой договоримся, Ярослава, то буквально через пару дней ты покинешь домик для гостей.

– В каком направлении? – тут же уточнила она.

– А это ты уже сама решишь, после нашего с тобой разговора. Ты готова поговорить?

Она, сунув за щеку кусок ветчины, промычала что-то нечленораздельное.

– Для начала я хотел повторить, что в моем доме тебе ничто не угрожает. Ты меня понимаешь?

Ответом ему стал энергичный кивок.

– Вот и славно. Давай-ка, Ярослава, проясним кое-что из твоего прошлого. Как твоя фамилия?

– Ерошина, – дожевав ветчину, сообщила девчонка. – Меня зовут Ярослава Ерошина.

– Откуда ты родом, Ярослава? Когда родилась? Кто твои родители?

Вместо того чтобы ответить, протеже расхохоталась.

– Ну и вопросы вы задаете, благодетель! – проговорила она, отсмеявшись. – Да не знаю я, откуда родом, и родителей своих тоже не знаю.

– Это почему?

– Потому что я детдомовка. Ясно? Нам в детдоме про родителей как-то не рассказывали.

Значит, сирота. Ну что ж, так даже лучше, будет меньше проблем, если что-то пойдет не по плану. Кто ее станет искать – сироту?

– А у Косого ты как оказалась, если детдомовка? – поинтересовался он вкрадчиво. – Вас же вроде государство должно жильем обеспечивать.

– Оно и обеспечило. – Девчонка побарабанила пальцами по столу. Ногти у нее были корявые, маникюра не ведавшие, но уже без траурной грязевой каймы. Отмылась, видать. – Комнатой в коммуналке, да только я дурой оказалась. – Она шмыгнула носом, надолго замолчала.

– Я правильно понимаю, Ярослава, что жилья у тебя больше нет?

– Правильно. Пришли однажды два урода, взяли за жабры, сунули под нос какие-то бумажки, пригрозили: «Не подпишешь – тебе кранты».

– И ты подписала?

– Ага! Попробовала бы я не подписать! А на следующий день очутилась на улице без вещей и документов.

Так, с этим тоже все ясно: обработали сиротку, отобрали комнату. Повезло еще, что не убили беднягу, потому как могли запросто, чтобы лишнего не болтала, не жаловалась. А с другой стороны, что им какая-то детдомовка? Что она может сделать? А вот у него, кажется, появляется рычаг давления. Очень хорошо.

– И давно ты живешь на свалке?

– Нет, второй месяц только. – Девчонка помотала головой. – Лето в Крыму жила, посудомойкой в кафе за еду подрабатывала, а как сезон закончился, обратно вернулась. Полгода у друзей кантовалась, да только им всем не до меня, у каждого своя жизнь.

– А с работой что?

– Кому я нужна без жилья и документов?! С прежней работы меня сразу поперли, а на новую не брали. Ну, это если приличную, – она многозначительно хмыкнула. – А про неприличную вам рассказать?

Ну, вообще-то, он и сам догадывался, какую работу могли предложить молоденькой глупой девчонке. Сейчас важно узнать, согласилась ли она.

– И что ты?

– А я ничего! – Девчонка гордо вздернула подбородок. – Я не из таких! Вы не слушайте, что вам там Косой наплел, я его к себе на пушечный выстрел не подпускала.

– А второго, того, который тебя защищать бросился?

– Петю?! – Ярослава казалась искренне удивленной. – Вы что?! Это же Петя! Он мне как брат! Это же он меня на свалку с Белорусского вокзала привез и защищал от всяких там козлов... – Она опять шмыгнула разбитым носом и добавила с укором: – А ваши уроды его по голове!

– Ничего с твоим Петей не случилось. Оклемается, не бойся. Так, значит, ты, Ярослава, девушка порядочная?

– Конечно! Думаете, если человек без крыши над головой, так на нем уже и клейма ставить негде? Я, между прочим, в очень хорошем детдоме жила, образцово-показательном. Если хотите, я вам сейчас «Евгения Онегина» наизусть расскажу.

– Любишь Александра Сергеевича? – спросил Закревский с улыбкой.

– Не, я больше Льва Николаевича уважаю, а Пушкина просто запомнила. Память у меня хорошая, – пояснила девчонка с застенчивой улыбкой.

То, что память у нее хорошая и какое-никакое базовое образование есть, – неплохо, это его задачу облегчает в разы.

– Ярослава, а сколько тебе лет?

– Двадцать два.

Надо же! А выглядит намного моложе. Хотя хрен поймешь эту современную молодежь. Разоденутся, поразмалевываются, вот и думай, кто перед тобой: совершеннолетняя или малолетка.

– Послушайте, благодетель! – Пока длилась беседа, девочка успела уничтожить весь принесенный ужин и приступить к десерту. Сейчас она вгрызалась крепкими зубами в сочный бок яблока. – Я вот тут подумала: а что это вы мне все вопросы задаете, а на мои не отвечаете? Привезли меня, понимаешь, непонятно куда, заперли в комнате какой-то дурацкой, охранников-дебилов приставили. Это за что же мне такая честь? Если вы не извращенец и нет у вас всяких непристойных фантазий, тогда зачем я вам? Медосмотры какие-то... – Девочка не договорила, уставилась на него расширившимися от ужаса глазами.

– Что такое, Ярослава? – Владислав Дмитриевич попытался улыбнуться, но получилось, наверное, не очень убедительно, потому что она вдруг проворно вскочила из-за стола, схватила вилку, сжав ее в трясущейся руке.

– Я знаю зачем, – проговорила девочка приглушенным шепотом. – Догадалась. Вы меня на органы забрали, да? Сейчас отмоете, откормите, медосмотр проведете и разберете на запчасти!

– Ярослава!

– Только имейте в виду, – она не дала ему договорить, закружилась по комнате в поисках оружия более эффективно-

го, чем вилка, — я вам просто так не дамся!

— Ярослава, успокойся! — Закревский устало взмахнул рукой. — И сядь, будь любезна, на свое место. Твое предположение чудовищно и необоснованно.

— Это почему? Вы уже старый, у вас вон сердце больное! Может, вам сердце мое понадобилось?!

Вот молодец! Никто ему правды не сказал, даже врачи, а эта рубанула с плеча. Старый он и немощный, и не хрен хорохориться... Сердце, уже почти успокоившееся, опять заныло.

— Если бы мне понадобилась пересадка сердца, то, уж поверь моему слову, я нашел бы донора гораздо менее... специфичного, чем ты. — Владислав Дмитриевич невесело усмехнулся: — Или ты думаешь, что для подобных целей годится первый встречный?

— Нет. — Похоже, она немного поостыла, во всяком случае, перестала размахивать вилкой. — Просто хочу понять, зачем я вам такая понадобилась.

— А ты считаешь, что годишься только на запчасти? — поинтересовался он, всматриваясь в побледневшее лицо своей протеже. Нет, что ни говори, а девочка сообразительная и с фантазией. Это ж надо было до такого додуматься!

— Неважно, что считаю я. — Она уселась обратно в кресло. — Важно, что считаете вы.

— Ярослава, — он тяжело вздохнул, собираясь с мыслями, — давай мы вот о чем с тобой договоримся: ты пока просто мне

доверься, води себя хорошо, не мешай моим людям делать свое дело, а потом, всего спустя каких-то два дня, я все тебе объясню. Согласна?

– А если не согласна? У меня вообще есть выбор? – спросила она.

– Выбор есть всегда, – Закревский кивнул. – Ты можешь вернуться на свалку, жить как пресмыкающееся, дожидаться, когда Косой или его люди тебя изнасилуют или искалечат. А можешь полностью изменить свою жизнь, стать совершенно другим человеком, открыть для себя небывалые горизонты.

– Вы меня удочерить собираетесь, что ли? – Девчонка скривила губы в саркастической улыбке.

– Нет, но твое предположение недалеко от истины. Ярослава, подумай сейчас, пока еще есть время. Если ты решишь вернуться к прежней жизни, я не стану тебя удерживать. В том деле, которое я задумал, мне нужен союзник, а не безропотный исполнитель.

– А что за дело вы задумали?

– Узнаешь через два дня. Если, конечно, решишь остаться.

Девчонка молчала очень долго. Владислав Дмитриевич уже испугался, что она откажется. Не то чтобы потеря так уж велика, но время уходит, и про союзника он не сохранил. Для качественного осуществления плана его протеже должна чувствовать себя полноправным участником игры. Неважно, кем она будет являться на самом деле, но иллю-

зию сопричастности и значимости очень важно сохранить как можно дольше.

– Я остаюсь! – заявила она как раз в тот момент, когда За-
кревский решил, что придется искать новую кандидатуру. –
Только мне нужны гарантии.

– Никаких гарантий! – он покачал головой. – Моего чест-
ного слова вполне достаточно. Пойми меня правильно, Яро-
слава, на твое место я могу найти сотню желающих.

– Но в этом случае вы потеряете деньги. Я же видела, вы
заплатили за меня Косому.

– Поверь, деньги не играют в моей жизни ключевой роли.

– А что играет?

Нет, ну до чего же дотошная! С одной стороны, сметли-
вость – это хорошо, но с другой – излишнее любопытство
ему ни к чему.

– А что играет, ты узнаешь через два дня. – Он встал,
показывая этим, что разговор закончен. – И, пожалуйста,
очень тебя прошу, не создавай моим сотрудникам лишних
проблем, води себя хорошо. Мы договорились, Ярослава?

По девчонкиному лицу было видно, что вопросов у нее
еще очень много, но не задавать их у нее ума хватило. Это
хороший знак.

– Всего доброго, Ярослава!

Не дожидаясь ответа, Владислав Дмитриевич вышел из
комнаты.

Полночи Яся провела без сна, думая над словами благодетеля. С одной стороны, гладко все у него выходит: достойная жизнь, новые горизонты. А с другой – бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И ведь, что самое обидное, Яся пока не может рассмотреть ни сыра, ни мышеловки – сплошные загадки. Наверное, самым разумным в этой ситуации было бы вернуться на полигон к верному Пете. Впечатлений у нее после похищения и так выше крыши, будет о чем внукам на старости лет рассказать. Но что, если вернувшись, она действительно упустит свой шанс, потеряет то главное, ради чего и стоит жить на этом свете?! И пусть говорят, что любопытство сгубило кошку! Она не кошка, она умная и сообразительная. Она останется, понаблюдает за развитием событий, а уже потом решит, стоит ли игра свеч.

С этой мыслью Яся погрузилась в глубокий сон. Всю оставшуюся ночь ей снились шахматы. Она сидела в шахматной комнате, за шахматной доской, ломая голову над партией. Ситуация получалась патовой, а проигрывать никак не хотелось. Еще бы рассмотреть лицо сидящего напротив человека. Да вот никак не выходило, она даже не могла понять, мужчина перед ней или женщина.

Из шахматного сна девушку выдернул громкий стук и не менее громкий голос:

– Эй, Ярослава! Подъем!

Пару секунд она соображала, отчего это Петя орет на нее таким дурным голосом, а потом разом все вспомнила и кубарем скатилась с кровати. У нее ведь теперь новая жизнь и новые горизонты. Она же за каким-то чертом понадобилась самому Закревскому!

– Ярослава, еще секунда – и мы входим! – пригрозил из-за двери Саныч.

– Да нормально все! – крикнула она, натягивая халат. – Уже проснулась, встаю.

– ...А мы все равно входим! – Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась бритая Лехина башка. – У нас инструкция!

– Да пошел ты со своей инструкцией! – Яся запустила в башку тапком. – Одеться не дадут!

Тапок попал прямиком Лехе в лоб. Даже странно, никогда она особой меткостью не отличалась. Это, наверное, из-за злости. Повадился подглядывать, паразит.

– Да я тебе сейчас...

Ясе было весьма любопытно узнать, что ей сделает охранник Леха, но, видимо, не судьба. В комнату, оттолкнув напарника, вошел Саныч.

– У тебя пять минут на сборы, – сказал он и положил на кровать какой-то сверток.

– Что там? – спросила Яся, косясь на сверток.

– Олегович велел передать тебе одежду. Давай-ка, девонь-

ка, меньше вопросов – больше действий. Через десять минут нам выезжать.

– Куда?

– В больницу, на медкомиссию.

Значит, медкомиссия неизбежна. Фу, какая гадость! Яся с детства не любила врачей, что уж говорить про всякие там медосмотры!

– А покушать? – Она развернула сверток. Внутри оказались серая шерстяная юбка, черная блузка, упаковка колготок и туфли на плоской подошве. Однако, Олегович сноб и жадина! Одежки подобрал – закачаешься. Сам бы попробовал примерить такое безобразие.

– Ярослав, какое покушать? – повысил голос Саныч. – Я ж тебе русским языком говорю – едем анализы сдавать. А это нужно делать натошак, ты что, не знаешь?!

– Да откуда ж ей знать, козе помойной? – хмыкнул Леха.

– Сам ты козел! – огрызнулась Яся. – Охранником у уважаемого человека работаешь, бабки небось приличные получаешь, а реакции никакой, от тапочка увернуться не сумел. Саныч, что это к вам на работу таких лохов берут?

– Саныч! – застонал Леха. – Саныч, я сейчас на хрен все инструкции нарушу и раздеру эту шалаву, как жабу!

– Охолони, молодой! – Саныч встал между напарником и Ясей. – А ты собирайся давай, говорливая!

– Мне прямо перед вами переодеваться? – вскинулась Яся.

– А слабо?! – Леха недобро сощурился.

– Давай-ка выйдем, – Саныч дернул его за рукав. – Время уходит, а вы все лагаетесь.

Яся подождала, когда за охранниками закроется дверь, сгребла одежды, потопала в ванную. Одежки пришлось впопору, ну разве что туфли оказались на размер велики, но это даже хорошо, потому что натертые вчера мозоли давали о себе знать ноющей болью, и в плотной обуви было бы совсем некомфортно.

Переодевшись, Яся вышла из комнаты, хмуро посмотрела на охранников, буркнула:

– Ну, везите, церберы, на свой медосмотр.

– Он не наш, а твой! – фыркнул Леха.

– Ишь, слова какие умные знаешь! – сощурился Саныч.

– Так в «Космо» не только гороскопы и диеты печатают, – пожала она плечами.

Во дворе перед джипом охраны нетерпеливо прохаживался туда-сюда Вениамин.

– Опаздываем, – сказал он с укором и посмотрел на наручные часы. Что у него за привычка такая – чуть что, занятого из себя изображать?!

– Так баба же! – хмыкнул Леха. – Еще хорошо, что у нее косметики нет, а то б и к вечеру не управились.

– Как вам спалось, Ярослава? – Вениамин проигнорировал слова охранника и внимательно посмотрел на Ясю.

– Нормально спалось, не хуже, чем на помойке.

– Я рад. – Он распахнул перед Ясей дверцу и добавил с церемонным поклоном: – Прошу!

В джипе расселись в привычном уже для Яси порядке: она на заднем сиденье в центре, охранники – по бокам, Вениамин – рядом с водителем. Ехали молча. Вениамин листал какие-то документы, охранники дремали, а Яся вертела головой. Теперь она точно знала, где находится дом благодетеля, и даже приблизительно понимала, как оттуда добраться до города. Не то чтобы Яся твердо решила удрать, но все-таки пути отступления лучше просчитывать заранее.

Клиника, в которую ее привезли, находилась за чертой города, располагаясь в живописном, вполне себе курортном местечке, и была обнесена высоченным забором. Джип, въехав в распахнутые железные ворота, припарковался на стоянке возле трехэтажного кирпичного здания.

– Ну, Ярослава, вы готовы? – Вениамин отложил в сторону документы, посмотрел на напрягшуюся Ясю.

– Вроде того. – Ох, что-то не нравилось ей это местечко! С виду санаторий санаторием, а для чего забор? И охрана на въезде?

– Это частная клиника, очень дорогая. – Вениамин уловил ее сомнения. – Люди, которые поправляют тут здоровье, предпочитают, чтобы им никто не досаждал. Отсюда все меры предосторожности.

– А кто может досаждать этим людям? – поинтересовалась Яся. – Тут же вокруг один лес.

– Журналисты, например. Вам пока трудно это понять, но в некоторых вопросах лучше соблюдать конфиденциальность.

– Мой вопрос из таких? – Она сощурилась и поглядела на Вениамина с вызовом.

– Мне трудно оценить степень его важности. – Секретарь улыбнулся: – Босс посвящает меня далеко не во все свои планы. Но, подозреваю, коль уж вас привезли именно в эту клинику, вы представляете для него определенный интерес.

Надо же, как витиевато! Мозги сломаешь, пока поймешь, что хотел сказать этот заморыш.

– На медосмотр я с охраной пойду? – Яся решила перейти непосредственно к делу.

– Таковы инструкции! – Вениамин изобразил сожаление.

– И по кабинетам они тоже со мной таскаться будут?

– Думаю, это лишнее. Иван Александрович и Алексей Анатольевич подождут вас в коридоре.

Яся не сразу поняла, про кого он говорит, а когда поняла, усмехнулась. Вишь, какой вежливый! Даже охранников по имени-отчеству называет.

Медосмотр растянулся на несколько часов и стал для Яси тем еще испытанием. Одних только анализов у нее взяли черт знает сколько, попили кровушки, вурдалаки. Но анализы – это еще полбеды, от бесчисленных кабинетов, врачей и осмотров у Яси скоро закружилась голова. Одеться – раздеться, дышать – не дышать, открыть рот – закрыть рот, ну

и прочие безобразия. Но самое страшное испытание ждало Ясю у стоматолога. Зубы она считала едва ли не самым ценным из того, чем наградила ее матушка-природа. Зубы у Яси были белые, крепкие, бормашины не ведавшие. Оказалось, до поры до времени не ведавшие. Выяснилось, что у нее аж три дырки. Как сказал стоматолог, кариес поверхностный, но лучше бы залечить. И ведь залечил, несмотря на громкие Ясины протесты и заверения, что ей и с поверхностным кариесом хорошо живется.

– А будет еще лучше, – пообещал ей садист в белом халате и включил свою чертову машинку...

Из стоматологического кабинета Яся выходила на полусогнутых ногах, даже на язвительное замечание Лехи никак не отреагировала. Нельзя сказать, что ей было больно, но неприятный осадок остался. Теперь она понимала, почему большинство людей не любит зубных врачей.

С медосмотром было покончено ближе к обеду. К тому времени Яся возненавидела всех и вся, сто раз укорила себя за склонность к авантюрам и извела придирками охранников.

– Олегович, может, попросить докторов засандалить ей какое-нибудь успокоительное? – не выдержал Леха. – Это ж сил никаких нет, терпеть все ее выкрутасы!

– А ты бы походил вместо меня по тем кабинетам, я б посмотрела, как бы ты запел, – огрызнулась Яся. – Я есть хочу! – Она бросила раздраженный взгляд на Вениамина.

– Ярослав, прошу вас, проявите терпение. Ровно через час мы будем дома, и вы сможете покушать.

Вот ведь непростибаемый! И все-то вежливо, все-то с улыбочкой...

Обедала Яся в одиночестве в своей шахматной комнате, и ужинала там же, и завтракала... Время тянулось и тянулось, а ничего не происходило. Единственной ее компанией оставались Саныч с Лехой. Впрочем, было бы еще хуже, не догадйся она попросить у Вениамина телевизор. С ним время умирало не так мучительно.

Перемены в ее жизни начались на следующий после визита в клинику день. Благодетель снова пожелал ее видеть. Как ни старалась Яся скрыть свое волнение, но удавалось ей это с трудом. Сегодня должно решиться ее будущее. Сегодня она узнает, зачем ее скромная персона понадобилась известному магнату Владиславу Дмитриевичу Закревскому.

* * *

Благодетель ждал Ясю в уже знакомой ей комнате. Только на сей раз на разделявшем их столике не громоздились тарелки с едой, а одиноко лежала кожаная папка. На натуральной коже выделялось тиснение, очень похожее на родовой герб. На позолоченном фоне был изображен грифон. Он вздымался на задние лапы, а в передних держал солнце. Это ж надо, как у них, у олигархов, все серьезно! Как только заи-

мел огромный капитал, непременно нужно себе приличную родословную организовать, желательно такую, чтоб уходила корнями в глубину веков и обязательно с родовым гербом, а совсем уж в идеале и с родовым гнездом.

– Добрый вечер, Ярослава.

Засмотревшись на герб, она совсем забыла о благодетеле. Закревский сидел в том же кресле, что и прошлый раз, рассеянно вертел в пальцах открытую перьевую ручку, не отводя от Яси уже привычного ей пристального взгляда.

– Здравствуйте. – Не дожидаясь разрешения, она уселась напротив, точно примерная ученица, сложив руки на коленках. Собственно говоря, в тех уродливых одежках, которыми одарил ее Вениамин, она и выглядела по-школярски уныло.

– Я ознакомился с результатами твоего медицинского обследования. – Закревский не стал ходить вокруг да около, а сразу перешел к делу: – У тебя на удивление здоровый организм, Ярослава.

– У меня кариес. – Яся поморщилась, с содроганием вспомнив недавнюю экзекуцию.

– Уже нет. – Владислав Дмитриевич постучал ручкой по подлокотнику кресла. – Скажу честно, я невероятно рад тому, что прочел в медицинском заключении. Я, конечно, надеялся, что в столь юном возрасте ты еще не успела нажать серьезных болячек, но, принимая во внимание твой образ жизни... – он многозначительно замолчал.

– Принимая во внимание мой образ жизни, вы ожида-

ли как минимум сифилис или гонорею, – закончила за него Яся. – Я же вам говорила.

– Да, – он кивнул. – Но я должен был убедиться.

– Зачем? Для чего вам так важно, чтобы я была здорова?

– Затем, что мне нужна здоровая невестка.

– Кто? – переспросила Яся. Что-то не то у нее сегодня со слухом, вроде и лор осматривал...

– Невестка, – повторил благодетель.

– А я тут каким боком? – Она одернула юбку, нервно покосилась на кожаную папку.

– А в тебе, Ярослава, я как раз и вижу свою будущую невестку.

Вот и приплыли! Это ж бред какой-то: она – невестка олигарха!

– И вас в этом вопросе волнует исключительно состояние моего здоровья? – изумилась Яся. – А ничего, что вы нашли меня на помойке? Ничего, что тот, для кого вы так стараетесь, может не захотеть такую жену?

– Внук, – Закревский холодно улыбнулся. – Ярослава, речь идет о моем внуке. И я ни на секунду не сомневаюсь, что он не захочет такую жену.

– Тогда зачем?

– Считай это моей стариковской блажью.

– Нет уж, простите! – Яся подалась вперед, заглянула ему в глаза. – Коль уж вы решили втянуть меня в свои игры, то будьте любезны объяснить правила. На кой хрен внуку мил-

лионера жениться на бомжихе? Какой в этом смысл?

– Для внука миллионера смысла нет никакого. – Благодетель продолжал улыбаться, но улыбка его была совсем не дружеской, волчий оскал, а не улыбка. – Смысл есть для самого миллионера.

– Тогда объясните! – потребовала она. – Потому что, если не объясните, я пальцем о палец не ударю, чтобы вам помочь.

– Что ты знаешь о высшем обществе? – вдруг спросил Владислав Дмитриевич.

– В каком смысле? – растерялась Яся.

– В любом. Ты имеешь хоть минимальное представление о том, как живут такие люди, как я?

– Минимальное имею. Я работала сортировщицей макулатуры, если вы еще не в курсе. Я много читала...

– Не продолжай, – он нетерпеливо взмахнул рукой. – Я знаю всю твою биографию.

– Как?! – В желудке вдруг сделалось холодно и колко.

– Обыкновенно. Вениамин собрал всю необходимую информацию. Хватило суток, чтобы проследить твой жизненный путь, начиная с Дома малютки и заканчивая полигоном бытовых отходов.

– Лихо, – только и смогла она сказать.

– Не лихо, а профессионально, – поправил благодетель. – Так что ты знаешь о моем мире, Ярослава?

Он ее экзаменует? Ну что ж, ей тоже есть чем его удивить.

– Закревский Владислав Дмитриевич, медиамагнат, вла-

делец заводов, газет, пароходов. Был женат шесть раз, столько же раз овдовел. Единственный сын таинственным образом исчез десять лет назад, из близких родственников остался внук, Закревский Вадим Сергеевич. – Наблюдать, как меняется в лице благодетель, было приятно. Пусть не думает, что он один тут всезнающий. – Это только навскидку, а если покопаться в памяти, можно нарыть еще с десятков имен ваших бывших и нынешних любовниц.

– Ты знала это с самого начала? – произнес благодетель каким-то странным, точно треснувшим голосом.

– Ну, в первые минуты я, конечно же, не поняла, что это вы. Кто бы мог подумать, что тот самый Закревский может вот так запросто прогуливаться по свалке! Это я уже потом все сопоставила, вспомнила фотографии.

– Откуда они у тебя?

– Я же вам минуту назад говорила, что работала сортировщицей макулатуры, а макулатура – это не только книги, но еще журналы и газеты.

Закревский молчал очень долго. Яся ждала. Может, и зря она рассказала про газеты? Может, лучше было бы прикинуться безмозглой овцой, но уж больно обидно стало. Петя бы ее не одобрил, Петя всегда считал Ясю излишне горячей, говоря, что спешка нужна лишь при ловле блох, а во всех остальных делах необходимо проявлять осмотрительность. Как он там без нее? Наверное, с ума сходит...

– Ну что ж, – наконец произнес Владислав Дмитриевич, –

полагаю, что так даже лучше. Ты, Ярослава, несомненно, очень ценное приобретение.

Он так и сказал «приобретение», точно она вещь, а не человек. Вот оно, настоящее лицо медиамагната, владельца заводов, газет, пароходов...

– Ты мне подходишь.

– А я решу, подхожу вам или нет, только после того, как вы объясните, что задумали. – Все, надо брать быка за рога. Иначе Закревский так и будет ходить вокруг да около. Иначе ей никогда не узнать правды.

– Ярослава, ты зарываешься. – В его голосе не было угрозы, скорее одобрение.

– Я не зарываюсь, я пытаюсь понять, во что вы меня втягиваете.

– Хорошо. – Благодетель хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Коль уж ты владеешь достаточной информацией, подробности своей биографии я опущу и скажу пару слов о своем внуке. Ты не поленилась, посчитала моих жен и любовниц, а что знаешь об этой стороне его жизни?

Яся на секунду задумалась, потом отрапортовала:

– Два брака, оба закончились трагично. С первой женой ваш внук попал в автокатастрофу, она погибла на месте, он отделался легким испугом. Вторая жена разбилась на горнолыжном курорте. Неудачное падение, перелом шеи. – Она замолчала, вспоминая подробности. – Больше в брак не вступал, но любовниц имел несметное количество. Кажется, в

этом плане он вас переплюнул.

– Довольно, – резко перебил ее Владислав Дмитриевич. – Я уже понял, что журналисты – это зло. Столько грязи...

– Журналисты – это не зло, – усмехнулась Яся. – Неразборчивость в связях – вот настоящее зло.

– Будешь читать мне нотации? – усмехнулся благодетель.

– А нужно?

Вместо ответа он покачал головой и произнес устало:

– Так даже лучше, теперь тебе будут понятны мои мотивы. Неразборчивость в связях – это ключевой момент. Мой внук прожигает жизнь. Дважды став вдовцом, он пришел к выводу, что семейное счастье не для него.

– А вы считаете иначе?

– Да, я уверен, что семья – это основополагающее.

– Ну, конечно, вам с вашими шестью браками виднее, – брякнула Яся и тут же прикусила язык. Тут такое интересное вырисовывается, а она тянет тигра за усы.

– Да, мне виднее. – Владислав Дмитриевич проигнорировал сарказм в ее голосе. – Беда в том, что Вадим не хочет этого понимать. Он не желает жениться.

– И вы решили его, скажем так, подтолкнуть?

– Да.

– Но почему ко мне? Наверное, разумнее толкать его в сторону девушки из хорошей семьи, какой-нибудь выпускницы Оксфорда или на худой конец Сорбонны.

– Сначала я именно так и поступал, действовал мягко и

деликатно, кандидатур выбирал с учетом его предпочтений.

– И что? – Оказывается, ничто не ново под луной. Двадцать первый век на дворе, а в мире до сих пор процветают династические браки.

– Он раскусил меня на четвертой претендентке. – Владислав Дмитриевич развел руками. – Мы очень серьезно поругались. Я услышал от внука такое, что никогда не смогу выбросить из памяти. Он заявил, что отныне станет жить исключительно по своим правилам, что мое мнение ему не указ и что он скорее женится на какой-нибудь убогой, чем на девушке, на которую укажу ему я.

– И вы решили осуществить его тайные фантазии? Это я насчет убогой. – Яся поежилась: крайне неприятно, когда люди называют вещи своими именами.

– Я решил его проучить, – Владислав Дмитриевич кивнул. – Он не захотел связать свою жизнь с приличной девушкой, посчитал, что я спущу это дело на тормозах.

Да, с дедом все более или менее понятно: преклонный возраст, беспутный внук, уязвленное самолюбие, тщетная надежда дожидаться правнуков. Тут любой обидится и начнет вынашивать планы мести. Но чтобы такие радикальные! Женить единственную кровиночку на бомжихе только лишь для того, чтобы показать, кто в доме хозяин! Да, похоже, на высшем обществе пора ставить жирный крест, если там творятся такие безобразия.

– Вы надеетесь с моей помощью проучить внука? – спро-

сила Яся, хотя ответ был уже очевиден.

– Да.

– А если он не захочет на мне жениться?

– Он не захочет, но женится.

– Откуда такая уверенность?

– В противном случае я лишу его наследства. – Благодетель сжал ручку с такой силой, что та хрустнула в его пальцах. – Видишь, Ярослава, я предельно откровенен с тобой, – сказал он после долгой паузы. – Теперь тебе ясны мои мотивы.

Мотивы-то ясны, но не совсем понятно, что конкретно потребуется лично от нее в нелегком деле укрощения строптивого внука и какая здесь для нее выгода. Яся решила не разводить китайские церемонии, а получить ответы на свои вопросы сразу.

– Что потребуется от тебя? – Благодетель выглядел удивленным. – Не так и много, ты должна постараться стать хорошей женой для моего внука.

– В каком смысле женой? – Холодок в желудке, уже почти было рассосавшийся, дал о себе знать ноющей болью.

– Во всех смыслах, Ярослава.

– То есть дело не закончится тем, что вы дадите понять своему внуку, что готовы на крайние меры? – осторожно поинтересовалась она. – Вы реально планируете женить его на мне?

– Да.

– А если он раскается и пообещает быть пайнкой?

– Если ты считаешь себя мужчиной, то за все свои поступки должен отвечать. Вадим ответит.

– Вадим-то, может, и ответит, но как же я? Получается, что брак будет не совсем фиктивным? – Перспектива стать женой богатого самодура Ясю совершенно не радовала.

– Брак будет совсем не фиктивным, – с нажимом проговорил Закревский. – Мой внук получит то, к чему стремился.

– Жену с клеймом «убогая»? – Яся невесело улыбнулась.

– Я рад, что ты меня понимаешь, Ярослава.

– А что получу я? – Вот она и задала главный вопрос. Теперь нужно быть максимально внимательной, чтобы не пропустить самое важное.

– Ты получишь мою фамилию, статус невестки Закревского и ежемесячное содержание в тридцать тысяч долларов.

– Впечатляюще! – Яся едва удержалась от того, чтобы не присвистнуть. – А каковы сроки?

– Год. Если за это время тебе удастся завоевать сердце моего внука и стать ему настоящей женой, значит, так тому и быть. Если у вас с ним ничего не выйдет, я выплачу тебе выходное пособие в размере трехсот тысяч долларов. В общем, по-любому внакладе ты не останешься.

Елки-палки, это ж о каких деньжищах он сейчас говорит вот так, как будто между прочим! Хотя он точно так же говорит и о судьбе единственного внука. Ну до чего странная семейка: внук повеса, дед самодур! И ведь это только верши-

на айсберга, небось все самое интересное – все семейные скелеты – надежно спрятано от посторонних глаз.

– Думай, Ярослава. Даю тебе пять минут на размышления. – Закревский многозначительно посмотрел на циферблат старинных напольных часов.

– И вам его не жалко? – вместо того чтобы начать думать, спросила Яся. – Жениться на такой, как я, – уже страшный удар по самолюбию, а что будет, когда об этом узнает широкая общественность?

– Общественность не узнает, – сухо ответил Владислав Дмитриевич. – Мне нужно проучить внука, а не уничтожить честь семьи. Ты должна держать в тайне свое низкое происхождение – это самое главное мое требование.

Низкое происхождение... Ну что за мерзость! Значит, подсунуть в постель к единственной кровиночке низкородную тварь – нормально, а вот поведать об этом миру – ни-ни!

– Ярослава, мне важно убедиться, что мы с тобой хорошо друг друга понимаем. – Закревский буравил ее недобрым взглядом. – После того, что я тебе сейчас рассказал, у тебя есть только один путь.

Вот тебе и разговоры про свободу выбора... Холод в желудке, разрастаясь, вгрызлся в позвоночник. Похоже, на сей раз она вляпалась по самую макушку. В этом деле ей Петя не поможет. Придется выплывать самой. И ведь не переиграешь сейчас ничего, опасно...

– Я все поняла, – стараясь не обращать внимания на холод,

Яся растянула губы в подобие улыбки.

– Вот и хорошо, – кивнул Закревский. – Значит, завтра я познакомлю тебя с твоим будущим мужем.

* * *

Его разбудил дразнящий аромат кофе. И это было приятно! Даже настырные солнечные зайчики, проскользнувшие в спальню через щель между неплотно задвинутыми шторами, не раздражали, а вызывали улыбку. Вадим Закревский открыл глаза, потянулся и улыбнулся новому дню. После такой чудесной ночи он должен быть хорошим. Давненько уже Вадим не чувствовал себя нормальным человеком, как-то привык, что все его холостяцкие ночи перетекают в одинаково унылые, с горьким осадком, серые дни. По утрам было особенно мерзостно. Приходилось смотреть в глаза знакомым и не всегда знакомым женщинам, слушать их злые, бензопилой вгрызающиеся в мозг голоса, иногда извиняться, иногда откупаться, но всегда выставлять ночных гостей за дверь. С проститутками оказывалось проще всего, этих он не стеснялся отправить восвояси и ночью, но чувство гадливости никогда не уходило за ними следом, оно обволакивало Вадима ароматом дорогих и не очень духов, душило, заставляло накачиваться алкоголем.

Так было до появления в его жизни Лики. Теперь все изменилось: утро будило его ароматом кофе, а голова не рас-

калывалась от гремучей смеси из похмелья и чувства вины. Лика была особенной, непохожей ни на одну из своих предшественниц. С ней Вадим чувствовал себя легко и радостно. С ней ему почти удалось забыть прошлое и сбросить со счетов мрачные дедовы прогнозы. К черту деда! Старик просто погряз в предрассудках! А у него, Вадима, все будет хорошо! Нет, не так: у них с Ликой все будет хорошо.

Лику Вадим нашел на кухне. С чашкой дымящегося кофе она сидела на высоком стуле за стойкой и по-детски болтала в воздухе босыми ногами.

– Я взяла твою рубашку, – сказала она, не оборачиваясь.

– Я уже заметил! – Вадим обнял ее за узкие плечи, зарылся лицом в пшеничные волосы. – Ты знаешь самые действенные способы пробуждения, дорогая.

– Это ты о кофе? – Лика запрокинула голову, посмотрела на него сияющими небесно-голубыми глазами и подставила щеку для поцелуя.

– Это я о рубашке. – Щека его не устроила, такую женщину нужно целовать только в губы. – Лика, невозможно оставаться равнодушным при виде твоих соблазнительных коленок.

Честно говоря, соблазнился Вадим далеко не коленками – в вырезе рубашки открывались куда более интересные виды. Вот ведь удивительная женщина, вроде бы и не провоцирует его, не выпрыгивает из шкуры, как остальные, а он сходит с ума от одного лишь ее взгляда.

– Я сварила тебе кофе! – Ли́ка слегка отстранилась, и Ва́дим едва сдержал вздох разочарования. Вот и еще одно ее свойство, даже не скажешь, хорошее или плохое: она умеет держать дистанцию, не бросается в его объятия по первому зову, сама выбирая правила игры. И быть в этой увлекательной игре просителем не то чтобы неприятно, но как-то непривычно. А может, для Ли́ки это и не игра. Она вся такая – искренняя, незамутненная. Даже удивительно, что эта чудесная девушка нашла в нем, насквозь порочном мужике!

– Я не хочу кофе. – Ва́дим попытался поцеловать ее в шею, но она увернулась. – Может, кофе потом, а? – Как он ни старался, а в голосе появились просительные нотки. – Ли́ка, ну давай по-быстренькому, невозможно ведь терпеть эти муки.

– Извини, милый, – она расстроенно покачала головой. – Мне уже нужно бежать. Репетиция через час.

Черт! Как же он забыл про репетицию?! А так и забыл, что не встречалось в его беспутной жизни еще ни одной скрипачки. Танцовщицы были, модели, даже укротительница тигров, а вот с девушками из самой что ни на есть богемной богемы до недавнего времени у него как-то не складывалось. Он и представить себе не мог, что с такими вот воздушными созданиями, как Ли́ка, можно построить хоть какие-то отношения. Оказалось, можно. И не какие-то, а такие, что аж дух захватывает и кровь превращается в расплавленную лаву.

– Что ж ты меня не разбудила, радость моя? – Он не удержался, сгреб Ли́ку в охапку, сдернул со стула.

– Ты так крепко спал, мне стало тебя жалко! – Она хихикнула и чмокнула его в небритую щеку.

– Жалко?! А сейчас тебе меня не жалко, коварная ты соблазнительница! – Вадим закружился по комнате, Лика рассмеялась. Смех у нее был точно колокольчик. Да и сама она казалась такой воздушной, эфемерной, Вадим даже прикасаться к ней первое время боялся. И ведь представить невозможно, до чего ж банально началось их знакомство.

Вадим спешил на совещание. Да что там спешил – опаздывал! Он несся на всех парах, предчувствуя нагоняй, который устроит ему дед. Немудрено, что Вадим ее не заметил. Нечаянного разворота плеча хватило, чтобы хрупкая девушка, шедшая навстречу, не удержавшись на высоких каблуках, плюхнулась в лужу. Если б случайная жертва его неосторожности начала возмущаться, Вадим бы, наверное, прошел мимо. Ну, извинился б для приличия и поспешил дальше, но она не стала возмущаться, она расплакалась. Сидела посреди лужи и, размазывая по лицу слезы, собирала рассыпавшиеся бумажки. Другая бы об испорченном платье горевала, а эта о каких-то писульках.

Вадим и сам не заметил, как притормозил и принялся барышне помогать. При ближайшем рассмотрении он понял, что писульки – это ноты, а барышня очень даже миленькая. В общем, в тот день Вадим на совещание так и не попал – заглаживал вину перед случайной знакомой. И, заглаживая вину, как-то неожиданно для самого себя попросил у девуш-

ки телефончик. А она ведь еще и давать не хотела! Ему, Вадиму Закревскому, первейшему на всю Москву жениху!

Впрочем, потом оказалось, что он нарвался на единственную девушку, которая знать не знает, кто такой Вадим Закревский, и плевать ей на его состояние и родословную. У нее, понимаешь ли, прослушивание у какого-то там музыкального светила, а она в лужу упала и ноты испортила, и прослушивания ей теперь не видать как своих ушей, а музыка – это смысл всей ее жизни! Получалось, что Вадим легким разворотом плеча угробил барышне весь жизненный смысл. Нужно было как-то компенсировать потерю. От ресторана и ночного клуба барышня с достоинством отказалась, пришлось вести ее не лишь бы куда, а в Большой театр, а потом еще три часа пытаться не заснуть под заунывные завывания какой-то мировой знаменитости и делать вид, что ему ужасно интересно.

Вадиму б уже на том этапе откланяться да ретироваться, однако ж не откланялся. Чем-то она его зацепила, эта скрипачка. А иначе как объяснить, что он целый месяц ходил за ней, как привязанный, а она его не то что в постель к себе не пускала, она даже поцеловать себя разрешила только спустя хрен знает какое время. Другой бы на месте Вадима уже давно послал эту недотрогу куда подальше, а в нем разыгрался вдруг охотничий азарт. Что же получается? Что он, в соблазнении слабого пола собаку съевший, не сможет охмурить какую-то скрипачку?!

Вадим так до конца и не понял, кто кого охмурил: он скрипачку или она его, но вот только уже почти три месяца жизни своей он без Лики не мыслил. Мало того – созрел для самого важного, самого отчаянного в судьбе любого холостяка решения. Лучшей жены ему не найти. Дело осталось за малым: сделать Лике предложение. Минувшую неделю он потратил на поиски обручального колечка, такого, чтобы Лике понравилось с первого взгляда, чтобы не вульгарное, а изящное и воздушное. И нашел-таки! Да не в ювелирном магазине, а в дорогом антикварном салоне. Такое колечко и английской королеве не стыдно будет подарить. Вот он и подарит его своей королеве сегодня вечером...

Радостные мысли грубо нарушил громкий звонок. Так нагло, так безапелляционно мог звонить только один человек. Вадим, поморщившись, аккуратно поставил Лику на пол.

– Кто это? – спросила она, поправляя сползшую с плеча рубашку.

– Не знаю, – соврал он.

– Я, пожалуй, пойду собираться. – Вот еще одно ее удивительное свойство: она всегда знает, когда нужно отойти в тень, не мешать, не светиться. Ее даже специально просить не нужно.

– Иди, родная, – он торопливо поцеловал Лику в губы. – Думаю, это ненадолго. Может, я еще успею тебя подвезти.

Звонок повторился, и в его механическом дребезжании

Вадиму отчетливо послышалось раздражение.

Предчувствие не подвело – на пороге стоял дед.

– Доброе утро. – Не дожидаясь приглашения, дед прошел напрямик на кухню, уселся за стол, с брезгливостью посмотрел на так и не допитый Ликин кофе, сказал: – Я по делу.

– Ты всегда по делу. – Вадим пожал плечами – к прямолинейности деда он привык еще с детства. – Кофе будешь?

– Чай.

Вот и хорошо, будет время собраться с мыслями и подготовиться к контратаке. В том, что она понадобится, Вадим не сомневался ни секунды. Дед никогда не тратил свое драгоценное время на пустые беседы. Если уж и наведывался к внуку, то исключительно по делу. В последний такой визит, помнится, они очень сильно поругались. Настолько, что с тех пор избегали всякого неформального общения, встречались только в офисе, на нейтральной территории. Вот и сейчас все время, пока Вадим возился с чайником, дед молчал, лишь нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице.

– Готово! – Вадим поставил перед ним чашку чая, к себе придвинул остывший кофе. – К чаю что будешь?

– Ничего. – Дед посмотрел на него своим коронным испепеляющим взглядом. Помнится, в раннем детстве от этого взгляда у Вадима тряслись поджилки. Он вырос, заматерел, стал не таким впечатлительным, но до сих пор чувствовал себя не особо комфортно, когда дед смотрел на него вот так... требовательно и многозначительно одновременно.

– Не рановато ли для деловых визитов? – спросил Вадим, чтобы хоть как-то заполнить возникшую паузу.

– В самый раз. В обед у меня встреча с немцами, а на ужин планы.

Вся жизнь деда, сколько Вадим знал его, была распланирована и расписана по минутам.

– И чем обязан? – Как-то не клеился у них разговор. Вроде бы и родные люди, а живут как кошка с собакой, в извечной конфронтации.

– Я требую, чтоб ты женился. – Вот так просто, с места в карьер. Требую, чтоб ты женился!

В другой бы день от такого посягательства на свою личную жизнь Вадим взвился, послал бы деда куда подальше, но сегодняшнее утро было особенным, и кожа Вадима до сих пор помнила запах Ликиных духов. А может, ну ее к черту, эту вражду?! Может, сказать деду, что он, Вадим, уже и сам созрел?

– Замечательно! – Вадим отхлебнул кофе. – В кои-то веки наши с тобой желания совпали. Не хотел форсировать события, но коль уж ты сам завел этот разговор... – Он сделал многозначительную паузу, покосился на неплотно прикрытую кухонную дверь и произнес: – Я готов жениться. Дед, она тебе обязательно понравится. Она необыкновенная девушка.

– Да, она необыкновенная. – Лицо деда по-прежнему оставалось каменным. – Она как раз такая, какую ты себе пожелал.

Ну, вообще-то воздушных скрипачек он себе точно не желал, но коль уж так сложились обстоятельства... А дед тоже хорош, оказывается, он уже знает о Лике. Впрочем, странно было бы, если б не знал. Старик привык все держать под контролем, и жизнь единственного внука не исключение.

– Я должен был догадаться, что ты уже навел справки. – Вадим смахнул со стола несуществующие крошки. – Ну и как тебе Лика?

– Лика? – Дед удивленно нахмурился.

– Мою невесту зовут Лика, странно, что тебе об этом не доложили. Я как раз собираюсь сделать ей предложение сегодня вечером.

– Вовремя я, однако. – Дед покивал каким-то своим мыслям, а потом сказал: – Понятия не имею, о ком ты сейчас говоришь. Твою невесту зовут Ярослава.

Не то чтобы Вадим удивился, он привык, что от деда можно ожидать любого подвоха, но все равно странно. Еще не так давно старик требовал, чтобы он взялся за ум и женился на девушке из приличной семьи, а теперь, когда внук решил остепениться и нашел во всех смыслах совершенную женщину, дед выкидывает очередное коленце.

– Мою невесту зовут Лика, – повторил Вадим с нажимом. – И поверь, она полностью соответствует твоему представлению об идеальной невестке.

– Очень может быть, – дед нетерпеливо взмахнул рукой, – но планы изменились. Теперь твою невесту зовут Ярослава, и

она никоим образом не соответствует моему представлению об идеальной невестке.

— С ума сойти! — Вадим, подавшись вперед, впился в дедово лицо изучающим взглядом. Он тоже умеет в гляделки играть, если что. — И ты в самом деле считаешь, что из-за твоей прихоти я променяю любимую девушку на какую-то...

— Бомжиху, — закончил за него дед. — Я учел твои пожелания, посему твою будущую супругу нашел на помойке. Не беспокойся, она еще не успела окончательно деградировать, при определенных условиях из нее даже можно попробовать сделать светскую львицу.

— Бомжиху?! — Вадим не верил своим ушам. — Дед, скажи, что ты шутишь!

— Нет, не шучу. Сегодня вечером я жду тебя в своем доме.

— Зачем?

— Чтобы познакомить тебя с твоей будущей женой.

— Дед, перестань, это уже не смешно!

— Я и не планировал превращать свадьбу единственного внука в посмешище. С Ярославой поработают стилисты, спецы по этикету. Как я уже упоминал, окончательно деградировать она еще не успела. Кстати, базовые знания у нее тоже неплохие, не хуже, а то и лучше, чем у большинства твоих подружек. Если ее поднатаскать, то в перспективе она может стать тебе очень хорошей женой.

— Ага, если поднатаскать! — Вадим скрипнул зубами. — Может, в таком случае ты объяснишь, на кой хрен мне такая

жена?!

— Какая «такая»? Ты сам сказал, что скорее женишься на убогой, чем на приличной девушке. Заметь, я пощадил твои чувства, Ярослава еще не самый худший вариант.

— Бред! — Вадим решительно встал из-за стола. — Я в эти игры не играю!

— Играешь! — Дед даже голоса не повысил. — Раньше я играл по твоим правилам, ждал, когда из тебя выветрится вся дурь, а теперь пришла твоя очередь, внук. Ты женишься на той женщине, на которую я укажу. Кстати, я не требую от тебя слишком большой жертвы: если вам с Ярославой не удастся в течение года найти общие точки соприкосновения, я позволю вам развестись.

— Точки соприкосновения с бомжихой? Дед, ты в своем уме?

— Как никогда раньше.

— А если я откажусь? — Правильный вопрос, и очень опасный. Положа руку на сердце, Вадим уже предвидел, каким может быть ответ.

— Тогда я лишу тебя наследства. — Дед смотрел на него снизу вверх коронным своим непрошибаемым взглядом. — Можешь не сомневаться, я именно так и поступлю. Но в любом случае тебе решать. Только подумай, готов ли ты ради какого-то сомнительного чувства, которое глупцы считают любовью, отказаться от всего, что дано тебе по праву рождения.

Вадим подумал. И чем больше он думал, тем яснее понимал, что дед прав. Никакую любовь он не променяет на статус и привилегии, дарованные ему с самого рождения. Когда-то, еще когда он был ребенком, дед называл это особое чувство собственной исключительности голосом рода, рассказывал, что род Закревских старинный и уважаемый, что в их жилах течет не просто дворянская, а королевская кровь, заставлял зубрить генеалогическое древо, уходящее корнями в такие туманные исторические дали, что и подумать страшно. Тогда все это казалось маленькому Вадиму ненужным и глупым, но, удивительное дело, с возрастом голос крови звучал в нем все громче и громче, и генеалогическое древо больше не представлялось исторической нелепицей, и редкие рассказы деда о Рудом замке, родовом гнезде, затерянном где-то в Карпатах, приобретали какую-то особенную ценность, и фамильный перстень с грифоном, сжимающим в когтистых лапах рубиновое солнце, больше не воспринимался винтажной безделушкой. Вадим самому себе боялся признаться, но каким-то шестым чувством понимал, как много значит для него честь рода, как близок он в этом со своим деспотичным дедом. И вот сейчас дед собственными руками собирается порушить все то, что его предки создавали столетиями. Собирается смешать благородную кровь грифона с плебейской волчьей кровью...

– Я надеюсь, брак будет фиктивным? – Вадим еще не дал своего согласия, но этим вопросом подписал пакт о капиту-

ляции.

– Брак будет настоящим, освященным церковью. – На мгновение Вадиму показалось, что по каменному лицу деда промелькнула тень, но только лишь на мгновение.

– И ты готов пойти на это?

– Да.

– А как же волчья кровь?! Ты ведь сам говорил, насколько важно сохранять чистоту рода. Ты же расист, дед! А сейчас что?! К черту условности, отринем глупые предрассудки?!

– Скажем так, я переосмыслил некоторые вопросы. – Дед рассеянным, совершенно неосознанным движением ослабил узел галстука. Вениамин говорил, что приступы участились, но Вадим не хотел верить. Дед крепок как скала, он еще их всех переживет. Или нет?

– Ты хочешь меня таким образом наказать? – Он уселся обратно за стол, в упор посмотрел на деда.

– Я хочу тебя спасти. – Впервые за весь разговор, а может, и за долгие месяцы дед дал слабину, из-под железной маски проступило его истинное лицо – смертельно усталое, встревоженное.

– Не надо меня спасать, – Вадим зло мотнул головой. – Лучше позволь мне жить своей жизнью, очень тебя прошу.

– Нет! – Дед, до этого момента внешне спокойный, как сфинкс, рубанул кулаком по столу: – Ты сделаешь то, что я тебе велю! Сегодня вечером ты познакомишься со своей будущей женой.

Не говоря больше ни слова, он тяжело встал из-за стола и направился к двери.

– Все никак не уgomонишься? – Из-за неконтролируемой, всепоглощающей ярости стало тяжело дышать. – Тебе мало того, что ты сделал с мамой?!

Дед пошатнулся, словно от удара в спину, медленно развернувшись, процедил:

– Никогда! Слышишь, щенок, никогда не смей обвинять меня в смерти своей матери. Я делал все возможное, чтобы ей помочь.

– Ты посадил ее в клетку, точно зверя, запретил видаться со мной и отцом!

– Стой! – Дед в просительном жесте протянул вперед руку. – Не говори того, за что я никогда не смогу тебя простить. Подумай...

– Это ты подумай! Разве можно поступать с живыми людьми, как с шахматными фигурами?! – В голове шумело, из-за гулкого уханья пульса он не слышал собственного голоса.

– Я жду тебя сегодня к восьми вечера, – произнес дед устало. – Если ты не придешь, я сочту, что ты отказался от своего будущего...

* * *

Яся волновалась. После разговора с благодетелем пред-

стоящая встреча с Вадимом Закревским, ее потенциальным супругом, больше не казалась забавной авантюрой. Весь день Яся преследовал запах гари – это догорали сожженные мосты. Отступить некуда, она собственной рукой выписала себе пропуск в другой мир. Вот только о том, какой будет цена, думать не хотелось. И вообще как-то туго соображалось последнее время, свойственные ей решимость и ясность мыслей куда-то улетучились, уступив место страху перед неизвестностью. Но, несмотря на это, Яся старалась бодриться, готовила себя к удивительным приключениям и завораживающим перспективам. Изучить изнутри жизнь таких, как Закревские, – это ж далеко не каждому посчастливится. Ей бы вот только с Петей как-нибудь связаться, рассказать, в какую занимательную историю она влипла.

Наверное, если бы Яся попросила у благодетеля разрешение на звонок другу, тот бы не отказал, но, положив руку на сердце, она и сама не больно-то хотела звонить Пете, потому что прекрасно понимала, как именно он на все происходящее с ней отреагирует. Он скажет, что у нее окончательно снесло башню, и попытается ей помешать. Нет уж, Пете лучше позвонить чуть позже, когда все утрясется. Конечно, разговор ее ждет не из приятных, но к тому моменту она уже не сможет ничего переиграть и Пете просто нечем будет крыть.

Впрочем, у Яси имелось одно весьма существенное оправдание: она сама себе такой зигзаг не выбирала, выбор, предложенный благодетелем, – это не что иное, как фикция. Нет у

нее никакого выбора и никогда не было! Поэтому нужно занять выжидательную позицию и попытаться вынести из сложившейся ситуации максимум полезного для себя. А сейчас лучше подумать о предстоящем испытании.

До встречи с суженым оставалось всего каких-то сорок минут, а она до сих пор не привела себя в порядок. Принесенная Вениамином одежда так и лежала аккуратной стопкой на стуле, у Яси даже не возникло желания узнать, что на сей раз ей надлежит надеть. А все из-за разбитого носа, будь он неладен. Как-то хреново заживал ее бедный нос. Мало того, что отек никак не спадал, так еще и под правым глазом нарисовался уродливый синяк. Если б не заверения лорврача, что ничего страшного с носом не произошло, Яся бы решила, что урод охранник его все-таки сломал. Можно было бы попытаться хоть как-то замаскировать это безобразие тональным кремом, но косметика в списке необходимых вещей не значилась, поэтому на первое свидание с женихом придется переться с кривой рожей.

Минуту-другую поизучав свое отражение, Яся потянулась к приготовленной одежде и застонала. Похоже, Вениамин за что-то ее тайно ненавидел, а иначе чем можно объяснить его чудовищный выбор?! На первое свидание ей полагалось темно-коричневое шерстяное платье на манер школьного и коричневые же боты на сплошной подошве. На фоне этого убожества даже недавние юбка и блузка казались верхом элегантности. Мало того, что платье было велико ей на размер,

так еще и кололось, точно власяница. Кожа под ним моментально начала чесаться, и Ясе приходилось время от времени дергать плечами и пускать в ход руки, чтобы унять зуд.

В двери шахматной комнаты деликатно постучались. Спрашивается, на кой черт стучаться, если дверь все равно заперта снаружи?!

– Входите! – крикнула Яся и, задрав ненавистное платье, поскребла бедро.

Вместо ожидаемого и уже почти родного Лехи на пороге появился Вениамин.

– Вы готовы, Ярослава? – спросил он с вежливой улыбкой.

– Я готова откинуть коньки в этом гадском платье, – простонала она. – Вениамин, ты за что меня так не любишь?

– Не понимаю. – На гладко выбритом лице секретаря отразилось искреннее недоумение.

– Я вот об этом! – Яся одернула подол. – На какой помойке ты его откопал?!

– Ярослава, вы несправедливы, – возразил Вениамин. – Вся одежда абсолютно новая, у меня даже сохранились щеки.

– Плевать на щеки! Почему оно такое уродливое?!

– Безусловно, ваш прежний наряд был намного изящнее! – К секретарю вернулась его привычная невозмутимость. – Но, увы, он не подлежал восстановлению, поэтому я взял на себя смелость озаботиться вашим новым гардеробом.

– А чем именно ты руководствовался, когда выбирал вот

это?

– Исключительно соображениями практичности. Платье ноское и немаркое. Если вы решите вернуться в свою естественную среду обитания, оно вам очень пригодится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.